

И.К. Кучмаева

Когда жизнь истинствует...

*Культура благотворения
Великой княгини Елисаветы Феодоровны*

※ МОСКВА ※ 2008 ※

Изольда Кучмаева

Когда жизнь истинствует...
Культура благотворения Великой
княгини Елисаветы Феодоровны

«Индрик»

2008

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

Кучмаева И. К.

Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны / И. К. Кучмаева — «Индрик», 2008

В книгу включены материалы из двух предыдущих монографий автора, посвященных жизни и подвигу Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Большая часть глав и разделов публикуется впервые. Здесь впервые обращается внимание на истоки становления великой православной подвижницы. Рассматривается не только московский, но и петербургский периоды ее жизни. Излагаются нравственные основы бытия Великой княгини, суть ее духовного и гражданского подвига. Специальный акцент ставится на культуре благотворения и культуре паломничества Елисаветы Феодоровны. Показана неразрывная связь Великой княгини с народом России, с ключевыми событиями в ее духовной, исторической и культурной жизни XIX – начала XX в. Книга предназначена всем, кто интересуется историей Дома Романовых, кому дорог образ великой подвижницы России XX в.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)52

© Кучмаева И. К., 2008
© Индрик, 2008

Содержание

Введение	5
Глава 1	12
1.1. Рейнская Сивилла	12
1.2. Св. Елизавета Тюрингенская: жизненный путь и жертвенное призвание	26
1.3. В родительском доме принцессы Гессенской и Рейнской	43
Конец ознакомительного фрагмента.	59

И.К. Кучмаева

Когда жизнь истинствует...

Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны

Посвящаю 90-летию со дня гибели прпмч. Великой княгини Елисаветы Феодоровны и 100-летию со дня основания Марфо-Мариинской обители милосердия.

Автор выражает глубокую благодарность всем, кто оказал помощь в подготовке рукописи к изданию: Государственному архиву Дармштадта земли Гессен; заведующему архивом профессору Францу; настоятелю храма Марии Магдалины в Дармштадте о. Иоанну, прихожанину этого храма В. Малашонку; Российскому государственному архиву древнейших актов; Государственному архиву Российской Федерации; Российскому государственному историческому архиву; Центральному историческому архиву Москвы и его директору Е.Г. Болдиной; Государственной исторической библиотеке; Кашинскому филиалу Тверского государственного музея; Ярославскому государственному архиву; Костромскому государственному архиву; М. Д. Афанасьеву; В. М. Писаревой; Я. Меркуну (Швейцария); С. Челноковой (Швейцария); В. Ф. Козлову; С. Ю. Житеневу; В. Н. Расторгуеву; С. Н. Селедкиной; Н. Б. Терещенко; Ю. В. Робинovu; А. К. Коненковой; В. В. Легостаеву; Е. А. Глухаревой; Г. П. Герцен; Н. А. Герцен; Н. В. Николаевой; Л. В. Финогеновой; И. С. Тихонову; Е. В. Петровой; А. П. Маловой; А. З. Деменчиков; В. П. Сазанковой; Ю.Г. Кучмаевой; М.Г. Кучмаеву; В. А. Кондрашиной; А. Н. Лариной; Т. В. Махаевой; М. А. Варакину; сотруднику объединения «Мосгосархив» А. П. Ларионцевой.

Ты теперь на Святой земле, жертва мира, который слишком мрачен для твоего света, но вместе с тем одержана полная победа, ибо ничто не сможет заслонить память о тебе.

Они смогли расправиться лишь с твоей земной красотой, но память о твоём очаровании, доброте, любви будет жить с нами всегда подобно звезде в ночи.

Королева Румынии Мария

Введение

В последние годы все большее число наших граждан открывают для себя духовные истоки великой культуры своего народа, активно вовлекаются в дела социального служения и труды Церкви. В коллективной памяти бережно сохраняется и восстанавливается представление о подвижниках благочестия, духовных светочах и благотворителях России. Среди славных имен с особой любовью произносим мы имя Великой княгини Елисаветы Феодоровны Романовой, образ которой все чаще занимает внимание исследователей, пытающихся всесторонне изучить все этапы ее жизненного пути. Однако в тени зачастую остается главное – понимание масштабов и социальной значимости дела, ставшего смыслом ее жизни.

Цель книги состоит не только в том, чтобы ознакомить читателя с удивительным житием святого человека, но постараться применить, «примерить» некоторые характеристики этого жития к нашему современнику, помочь ему в осмыслении своего пути. Не будем забывать: от того, как определяют ценностные ориентиры наследники русской культуры, во многом зависит выбор самой России, а от этого выбора – грядущие судьбы европейских народов и всего мира.

По этой причине нашим современникам необходимо не только понять, но и почувствовать сердцем, сколь велика та роль, которую сыграла и всегда будет играть удивительная подвижническая деятельность Великой княгини в диалоге Европы и России. Подвиг священицы Елисаветы Феодоровны – непреходящее свидетельство единства принципов христианского милосердия, на которых построена и европейская, и русская культура в своих высших проявлениях, а также несовместимости этих незыблемых принципов с политикой «двойных стандартов», на которых, к сожалению, пытаются построить здание «глобализирующегося» мира.

Но именно «в условиях глобализации, – как точно подметил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своем выступлении на сессии ПАСЕ перед парламентскими делегациями 40 стран, входящих в Совет Европы (2 октября 2007 г.), – так важно сохранить религиозно-культурную идентичность, которая является основой многообразия, красоты и богатства мира». Это требование становится императивом при определении горизонтов социального развития. Как говорит Первосвяtitель, отмечая губительный для европейской цивилизации разрыв взаимосвязи прав человека и нравственности, «любой честный исследователь истории Европы засвидетельствует, что благодаря христианскому отношению к человеку было осуждено и уничтожено рабство, сформировалась процедура объективного суда, вызрели высокие социально-политические стандарты жизни, определилась изящная этика межличностных отношений, получили развитие наука и культура. Более того, сама концепция прав человека, важнейшая политическая идея Европы, возникла не без влияния христианского учения о достоинстве человека, его свободе и нравственной жизни. С самого своего зарождения права человека развивались на почве христианской нравственности и составляли с ней своеобразный тандем».

* * *

Жизнь Великой княгини Елисаветы Феодоровны Романовой – по происхождению англо-немецкой принцессы, до последнего вздоха служившей России, – оставила заметный след в истории нашей страны и русской культуре. В России было немало верных сынов и дочерей, которые, защищая Отечество, отдали жизнь за его спасение. Но мало таких, кто полюбил Россию как свою вторую родину и предпочел мученическую смерть спокойной жизни за рубежом.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Дореволюционная фотография

Когда весной 1917 г. в революционную Москву прибыл шведский министр, чтобы передать Великой княгине предложение германского кайзера покинуть Москву в преддверии страшных времен, Елисавета Феодоровна выслушала его и спокойно сказала, что готова разделить судьбу своей второй родины и не оставит в беде духовную семью – сестер Марфо-Мариинской обители милосердия.

Может возникнуть вопрос: не странно ли, что Великая княгиня была так предана России, являясь по происхождению англо-немецкой принцессой? Здесь нет ничего странного. Ведь нравственный гений выстраивает свою жизнь по высокому моральному счету и не ищет безопасной гавани в пору народных бедствий. Нерасторжимая личная связь с Москвой, понимание особой роли России в судьбах человечества, глубочайшая верность Дому Романовых определили поведение Великой княгини в то тревожное время.

Если составить карту только московских и подмосковных поездок Великой княгини, то эта карта будет испещрена множеством линий и точек: Марфо-Мариинская обитель труда и милосердия, Храм Христа Спасителя, Исторический музей, дворец в Нескучном саду, вся территория Московского Кремля (особенно Кремлевские дворцы, Большой Успенский собор и Чудов монастырь), особняк Дворянского собрания, Епархиальный дом, Строгановское училище, Малый, Художественный, Большой театры, Шереметьевский странноприимный дом, Шелапутинский педагогический институт, Иверская община сестер милосердия, Воспитательный дом, Хитров рынок, Синодальное училище, генерал-губернаторский дом на Тверской, ясли, приюты, школы Елисаветинского благотворительного общества, Покровский, Зачатьевский, Новоспасский, Никитский и многие другие монастыри Москвы, Сергиево-Елисавет-

тинское трудовое убежище увечных воинов, Московская консерватория... Важное место в жизни Елисаветы Феодоровны занимали подмосковные православные святыни: Троице-Сергиева лавра, Саввино-Сторожевский и Ново-Иерусалимский монастыри; а также имения в Ильинском, Дмитровском, Петровском, Кораллове, Ершове, Архангельском, Усове, Ромашкове...

В любое путешествие по Москве и Подмоскovie, в каждую встречу Великая княгиня вносила мысль об основе основ русского добротолюбия: мысль о почитании духовно образованного человека, о культивировании его родственного внимания к ближним и дальним. Ее душа была переполнена готовностью понять чужую радость и скорбь как свою собственную. Черствость, снисходительное, холодно-милостивое отношение к людям вызывали искреннее удивление Елисаветы Феодоровны. Не уяснив этой характерной черты духовной природы Великой княгини, невозможно подойти к пониманию ее жизни и подвига.

Каждое новое дело было для Великой княгини не просто задачей, требующей творческого решения, но в равной мере и еще одним нравственным испытанием. Великая княгиня – не только обаятельная, тонкая, умная женщина, но и крупный общественный деятель рубежа эпох. Она была среди главных инициаторов организации помощи защитникам Отечества в Русско-японскую и Первую мировую войны, имела самое прямое отношение к созданию творческих союзов, работе музеев, новых медицинских и учебных заведений, к проведению грандиозных общенародных празднеств.

Всей своей жизнью в миру, в Марфо-Мариинской обители милосердия, в Алапаевске она показала, как важна для правящей элиты России повседневная установка на высокие образцы служения, которые дают русские праведники и страстотерпцы, как значим личный пример правителя в отношениях власти с гражданами, какую цену имеют последовательность и твердость в принятии судьбоносных решений.

Как человек редкой интуиции и большой творческой воли, Великая княгиня предпринимала все доступные ей шаги, чтобы уберечь горячо любимого Государя от недалеvidных решений и поступков в период беспокойного порубежья веков. Болезненно, тяжело реагировала она на студенческие волнения 1899, 1901–1902 гг. В письме к Николаю II Елисавета Феодоровна выражает глубокие сожаления в связи с тем, что Государь явно недооценивал последствия этих событий. В результате общественное мнение («вот злейшие твои враги!») начало все громче говорить о дурном обращении с «бедными невинными молодыми людьми». «Невинны они или нет, – писала Великая княгиня, – но они учинили беспорядки, а нарушения подобного рода должны рассматриваться поставленными для этого властями и наказываться соответственно... Хотели успокоить бедных, подвергшихся дурному обращению юношей, а в итоге подлили масла в огонь, и вспыхнули все университеты России»¹. Елисавета Феодоровна хорошо понимает извращенную логику подстрекателей студенческих волнений, которые рассуждали по многократно апробированной в истории схеме: «воспользуемся положением, поднимем волнения – и получим, что хотим»², – и вот пришлось закрыть почти все университеты.

В письме настойчиво проводилась мысль о коварстве и непрофессионализме, тенденциозном вмешательстве отдельных государственных лиц в решение сложных вопросов. Эти руководители, по сути, предлагали поставить руководство российских университетов в зависимость от стихийного давления студенчества, разыгрываемого в русле вполне определенной идеологии. Елисавета Феодоровна со скорбью пишет о двойственности положения многих руководителей вузов: «А каково тем несчастным людям, которые стоят во главе университетов, – им велено быть мягкими, и они не могут больше сдерживать их...

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1254.

² Там же.

Фотопортрет Елисаветы, Феодоровны, который находится в Красном зале великогерцогского дворца в Дармштадте. 1900 г.

Положение двух твоих министров – внутренних дел и образования – просто подорвано... Император им не доверяет, он выбрал другого, чтобы судить их. Один из его самых умных и самых опасных министров лезет не в свое дело ради того, чтобы приобрести популярность. Ему безразличны и император, и страна. Ректоры университетов получают приказы и [тут же] – контрприказы, потому что никто не знает, что же делать. Авторитет их падает... Мой милый, мой дорогой брат. Если бы ты только не шел на поводу общественного мнения! Бог... вразумит тебя быть жестким. И очень жестким! И потом, оказывай хотя бы некоторое доверие своим министрам, либо же отставь их, если не считаешь достойными, но ради себя самого и ради своей страны не подрывай их авторитета перед всем миром! Это невероятно опасно, и название этому – революция сверху»³.

Елисавета Феодоровна отчетливо видит людей, которые в сложной ситуации пытаются лишь воспользоваться «ангельской добротой» Государя. Каждый стремится выжить другого, расследование волнений не имеет никаких положительных результатов, и беспорядки только усиливаются. В свою очередь молодые люди злоупотребляют добротой Государя, его отцовской заботой о них.

Великая княгиня предлагает два вида реформ, которые, по ее мнению, в состоянии улучшить ситуацию: отправить тех студентов, которые начинают беспорядки, на год-два в армейские подразделения с их строгой дисциплиной. Это одна из мер, которая способна спасти души

³ Там же.

молодых. И второе предложение Елисаветы Феодоровны: «Устрой чистку среди профессоров – худший яд которым ты обладаешь, – и гроза утихнет»⁴.

Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Фотография. 1904 г.

Слова Великой княгини иногда пытались толковать как прямое проявление реакционных взглядов. Однако между такими заявлениями и истиной – дистанция огромного размера. В кругу друзей и коллег Елисаветы Феодоровны было много профессоров, которых она особо ценила. В этом смысле суть ее позиции убедительно выражена И. Ильиным, который писал, что каждая культура, раскрывающаяся под давлением, нетворчески – и мнимая, и пустая. Но творчество культуры вне веры, что характерно было для целого ряда профессоров, – тупиковый путь, в конечном счете ведущий к саморазрушению культуры и сотворению нравственного болота среди обучаемых. Это Великая княгиня видела отчетливо.

Выше уже отмечалось, какое доброжелательное внимание уделяла Елисавета Феодоровна высшим учебным заведениям. Хорошее знание ситуации в высшей школе позволяло Елисавете Феодоровне давать советы Николаю II, рекомендуя ему проявить твердую волю по отношению к части профессоров и министров, с одной стороны, а с другой – пробудить лучшие струны души молодых людей с помощью другой группы хорошо подготовленных педагогов.

⁴ Там же.

Слово Великой княгини было направлено против носителей релятивистского мышления, безудержного и циничного в своих притязаниях. Слово это прозвучало в условиях глубокого кризиса, когда знакомые, привычные методы выхода из подобной ситуации исчерпали себя, а в ответ на лживую агитацию – что можно было ожидать в качестве воздаяния?! – размытый мир ценностей, духовный распад вместо пробуждения интереса юных к духовной целостности, к творческой жизни.

На московской земле созидала Великая княгиня Елисавета Феодоровна свой духовный град, посвятив жизнь защите своего Государя, спасению безнадежно больных, бедных, раненых, обездоленных детей и взрослых. Москва оказалась не просто лучшим, но единственным местом на земле, которое позволило ей реализовать свой неповторимый дар благотворительности во всей полноте.

Автор, обращаясь ко всем, кто дорожит историей России, стремился показать жизнь Великой княгини как образец подвижничества, великий творческий акт, убедительный пример для каждого в осмыслении своего жизненного пути. Книга поможет читателю увидеть, как прекрасна жизнь, полностью посвященная бескорыстному служению людям и почитанию святынь.

Глава 1

Истоки

1.1. Рейнская Сивилла

У каждого человека свой совестный мир, свой компас в пути, вручаемый ему в глубоком детстве. Он – первоисток подвигов или заблуждений. Элла (в будущем Великая княгиня Ели-

савета Феодоровна) с младенческих лет хорошо знала, что такое жизнь по совести. Такое понимание она унаследовала от предков, которые научили ее рассматривать жизнь как долг. Отсюда – несвойственная возрасту серьезность восприятия мира в его целостности и многообразии.

При раздумье о выработке совестных критериев повседневного поведения в сознании Эллы возникали две необыкновенные фигуры, которые тревожили ее воображение, – Хильдегард из Бингена, расположенного по Рейну, недалеко от Дармштадта, и св. Елизавета Тюрингенская.

Известность Хильдегард сегодня, видимо, значительно шире, чем в дни возрастания Дармштадтской принцессы. Но и тогда необычность этого явления в средневековой монастырской жизни рассматривали как великое чудо промысла Божия.

Капелла Рохуса в Бингене. Образ Хильдегард из среднего ковчега алтаря Хильдегард

Исследовательница творчества Хильдегард Михаэла Дирс считает, что интерес современных людей в этом направлении совпадает с бумом на книжном рынке к литературе на духовную тему. После ряда лет экономического чуда и веры в безграничный прогресс пришли годы разочарования, ощущение того, что рост имеет свои ограничения и пределы. Вместо фетиша ценностей технического прогресса люди начали медленно поворачиваться в сторону мира глубокой духовной сосредоточенности. Откровенные неприятели ценностей жесткого материали-

стического мышления проявили интерес к закрытому миру Средневековья, к миру знаменитой монахини XII в., которая, по словам М. Дирс, «так любила меру во всем»⁵.

Автор отмечает в начале своей работы не сами по себе духовные подвиги и необыкновенные дарования средневековой аббатисы, но наличие редкого чувства меры, гармонии в ней, которое так изумляло и утешало людей. Уже здесь, в этой черте, мы видим редкое совпадение основной поведенческой доминанты, которая в изобилии представлена и в жизни Великой княгини Елисаветы Феодоровны, красноречиво указывая на духовную неисчерпаемость личности, ее житии как подлинном свидетельстве о Христе. Повседневное бытие многих современников Елисаветы Феодоровны, похожее на плохой спектакль, при появлении кроткой Великой княгини немедленно освещалось ее благодатным присутствием.

Не будет преувеличением сказать, что в каких-то основополагающих характеристиках и условиях можно говорить о подобии в протекании раннего детства Хильдегард и Эллы. У благочестивых родителей Хильдегард было богатое имение в Рейнско-Франкской области, расположенное между Рейном, Мозелем и Маасом. Семья отличалась твердой христианской верой. Брат Хильдегард Гуго стал соборным ктиторм и учителем в Майнце. Еще один брат Рорикус был каноником в епископате Трира, а родная сестра Климентина позднее приняла постриг в монастыре, основанном Хильдегард в Рупертсберге. Хильдегард, будучи последним, десятым, ребенком в семье, выросла в поместье между виноградниками, лесами, плодородными полями. В восемь лет она умела скакать на коне и любила общение с другими животными; в детстве уже прикасалась к тайнам природного мира, дорожила им, открывая новые горизонты познания. Первые опыты в общении Эллы и Хильдегард с миром природы оставили глубокий след в развитии их миропонимания, в представлении о сложности и многомерности процессов, совершавшихся в окружающей среде. Великогерцогский замок Дармштадта в своих подвалах до сих пор хранит подлинный муляж (в полный рост) той милой белой лошади, доброго друга Эллы в пору ее увлекательных путешествий верхом по лесам, в которых и теперь утопает замок Кранихштайна, где семья жила ежегодно с мая по октябрь.

Однако, сравнивая условия протекания детства Эллы и ее далекой предшественницы, можно заметить, что Элла росла крепким, здоровым ребенком. В то время как стремление Хильдегард к природе, к постижению всей полноты бытия часто ограничивалось постоянным недомоганием. Как отмечал один из биографов Хильдегард, монах Готтфрид, который одно время был ее секретарем, Хильдегард с детства «страдала болезненными недугами, так что редко могла ходить, но поскольку ее тело непрерывно подвергалось неустойчивым состояниям, ее жизнь походила на образ драгоценного умирания»⁶. Однако взамен физической силы в ней возрастали духовная мудрость, сила и недетское, почти «профессиональное», внимание к лекарственным свойствам растений, камней и других компонентов мира природы. Несмотря на частые заболевания дочери, ее благочестивые родители поняли непреклонное стремление восьмилетней девочки посвятить свою жизнь Господу и помогли хорошо подготовиться к будущему монашескому бытию, избрав достойную наставницу. Их привлек образ юной графской дочери Ютты Шпонхайм, которая в свои 14 лет духовной зрелостью, умом и благочестием превосходила многих взрослых женщин. Родители Хильдегард, дворяне Хильдеберт фон Бермерсхайм и его супруга Мехтильда были друзьями графского семейства фон Шпонхайм, хорошо знали Ютту, которая уже дала обет архиепископу Руттарду из Майнца вести девственный образ жизни, несмотря на протесты всех своих родных⁷. В осенний день 1106 г. родители Хильдегард передали свою восьмилетнюю дочь под покровительство Ютты. С ноября этого года до Дня Всех святых 1112 г. время юных христианок было посвящено исключительно пригото-

⁵ Diers M. Hildegard von Bingen. München, 1998. S. 19, 21.

⁶ Horst E. Hildegard von Bingen. Die Biographie. München, 2003. S. 18.

⁷ Там же. S. 13.

нию к жизни в монастыре, все светское в их быте было исключено. В 1112 г. они перебрались в женский скит Дизибоденберга, где на торжественном акте произнесли монашескую клятву перед аббатом монастыря и получили свои орденские покрывала. По правилам бенедиктинцев, Хильдегард должна была навсегда остаться в этом монастыре. Ютте в ту пору было 20, а Хильдегард 14 лет. Их жизнь обеспечивало большое приданое, которое родители Хильдегард передали монастырю, и наследство умершей к тому времени матери Ютты, которое ее брат подарил обители. Вход в скит после их переселения туда замуровали, с тех пор они жили как затворницы. Существовало только маленькое окошечко, через которое монахини могли говорить с посетителями и принимать все жизненно необходимое. Началось долгое время тишины, молитвы и покоя. Чувство глубокого беспокойства, отрадных и тревожных видений никогда не покидало Хильдегард, но свою жизнь монахини она неизменно воспринимала как предначертанную и счастливую⁸.

Так, в душе юной Хильдегард постепенно рождалось Слово, которое в будущем возвращало к жизни отчаявшихся. Многие в бытии Хильдегард заставляло задуматься, производило глубокое впечатление и на тех, кто жил в XIX в., тем более что и тогда христиане Дармштадта совершали паломнические путешествия в монастырь Хильдегард, расположенный так близко от столицы Гессенской земли. Но лишь единицы смогли сделать для себя необходимые выводы, так обогатиться постижением истока подлинной радости, как это смогла Великая княгиня Елисавета Феодоровна, несмотря на тяготы и превратности своей детской судьбы, которые она безропотно принимала.

Значительное увеличение общины в Дизибоденберге определило необходимость переселения монастыря в Рупертсберг, что соответствовало желанию Хильдегард в ее стремлении осуществить свои планы, которые расходились с позицией некоторых монахов, поскольку в своих трудах она неколебимо соединяла здоровый реализм, чуждый любой магии, и религиозное понимание божественного творения⁹.

Лишь через 40 лет, став настоятельницей в Рупертсберге, Хильдегард получает возможность письменно изложить свои естествоведческие и целительские опыт и знания.

М. Дирс справедливо замечает, что на протяжении столетий портрет Хильдегард определялся традиционной христианской агиографией в красках, присущих изображению святых в их образцовом облике на все времена. Такой подход неизбежно стирал некоторые специфические черты личности. И сегодня, пишет М. Дирс, ряд книг о Хильдегард ориентирован на христианский идеал святого. А в некоторых других работах проявляется новая разновидность внехристианской «агиографии»: Хильдегард возводится в ранг целительницы, которая располагает непогрешимыми знаниями, граничащими с магией. Каждый тиражирует этот образ в соответствии со своими представлениями, превращая Хильдегард в «эзотерическую святую»¹⁰.

В свою очередь серьезные историки сожалеют, что труды Хильдегард вырываются из исторического контекста и подвергаются современной интерпретации. Часто не принимают во внимание, что значение этих трудов выходит за пределы их исторического времени. Разумеется, современное прочтение любого произведения имеет право на жизнь. Но при этом возникает необходимость разделять плоскости рассмотрения не в угоду ложной однозначности. Так, разные фрагменты трудов Хильдегард характеризуются сегодня как исключительно экологические и феминистские. Авторы забывают, видимо, о том, что в XII в. такой терминологии просто не было, а поэтому именовать автора экологом или феминисткой некорректно.

Даже самые достоверные и подлинные материалы по тенденциозному заказу или откровенному заблуждению могут порой превращаться в разящий меч лжи, как это неоднократно

⁸ Там же. S. 17, 19, 20–21.

⁹ Там же. S. 97, 95.

¹⁰ Diers M. Hildegard von Bingen... S. 24.

было, например, и в отношении Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Но суть любого неординарного, крупного явления духовной культуры состоит в том, что оно способно пережить свой исторический контекст и в нужное время открыться людям неведомыми им сторонами и глубинами, созданными будто бы в расчете на любую эпоху.

Здесь не место анализировать жизнь Хильдегард в связи с основными памятными для нее событиями. Немыслима была также попытка рассмотреть все многообразие вопросов, которыми глубоко занималась знаменитая аббатиса. Вместе с тем имеет смысл выделить в ее наследии три пласта, которые были наиболее интересны для юной Эллы и ее друзей. Прежде всего это ее пророческое дарование. Затем ее целительская харизма. И, наконец, безусловная музыкальная одаренность.

Уже в детстве ее тревожили необыкновенные видения. «В свои три года, – пишет в воспоминаниях Хильдегард, – я увидела большое сияние, которое потрясло мою душу, но сказать об этом я не могла из-за моего младенчества... До моего пятнадцатилетия видела я многое, кое-что я просто рассказывала, так что те, кто это слышал, очень удивлялись, откуда и от кого это идет»¹¹. Рассказав однажды о видениях няне, Хильдегард убедилась, что няня ничего подобного не видит. Девочку охватил ужас, и она долго более не решалась говорить о видениях. Ей было страшно выглядеть в глазах окружающих всевидящим существом. Она осознанно избегала всякой ложной мистификации. Через много лет, в одном из самых ранних писем, сорокадевятилетняя монахиня пишет широко известному в Средневековье Бернгарду фон Клаирвауку: «Меня угнетает это видение, которое возникает в душе как мистерия... Я, в моем жалком облике женщины, видела с детства огромные удивительные вещи, которые мой язык не мог бы выразить, если бы я не верила, что дух Господа научит меня»¹².

В течение многих лет Хильдегард отказывалась записывать свои видения не из-за упрямства, а из-за сомнений, удивления и злословия людей, пока, как она утверждает, «бич Божий не отправил меня на ложе болезни»¹³.

Однажды, после беседы с монахом Вольмаром, помощником Хильдегард, который записывал ее труды, было принято решение передать эти записи архиепископу Генриху I из Майнца, а затем папе Евгению III, который поручил специальной комиссии познакомиться с рукописями и сделать выводы о провидческом даре Хильдегард. Комиссия подтвердила божественное происхождение ее дара.

Многие известные теологи средневековья были убеждены, что мистическая святость носит интроспективные черты. Так, упомянутый выше Бернгард фон Клаирваукс писал: «Я желаю, чтобы душа узнала прежде всего сама себя». По их мнению, знание самого себя образует исходный пункт для человека, борющегося за связь с Господом, в то время как первое произведение Хильдегард о ее видениях носит название «Сцивиас» – «Знай пути (Господа)». Здесь взгляд провидицы направлен не внутрь себя, но постоянно на целое, будь то всеобъемлющий миропорядок или особенности истории исцеления человека. Сама Хильдегард не раз отмечала, что в Майнце было единодушное мнение о ее видениях, которые идут от Господа и подобны дарованиям древних пророков. Если она говорила «я», то для всех это было божественное «Я». Хильдегард считали сосудом божественного «Я», инструментом, рупором в руках Другого. Современники не воспринимали ее иначе. Они называли ее немецкой провидицей и рейнской Сивиллой.

¹¹ Цит. по: Horst E. Hildegard von Bingen... S. 20.

¹² Там же. S. 20.

¹³ Там же. S. 29.

Пять небесных сил в башне решений из знаменитой работы Хильдегард фон Бинген «Либер Сцивиас»

По содержанию ее прорицания соотносились с событиями будущего или касались скрытых от современников знаний. Пророчества эти указывали как на явления важнейшие, последние для каждого, так становились и откликом на трудные, житейские, нерешаемые вопросы ее современников. Статус пророчицы позволял ей быть рупором истин Господних и произносить порой жесткие слова в адрес светских и духовных вельмож. Хильдегард смысл предания гласности своих видений видела в том, чтобы люди, благодаря этому узнавали своего Творца и в дальнейшем всегда молились Ему с почтением.

Хильдегард часто обращается в своих трудах к образам ветхозаветных пророков и с большим почтением и любовью пишет о христианских апостолах. Особое внимание она уделяет апостолу Павлу, который, по ее мнению, превзошел других учеников Христа в проповедях и никогда себя не щадил. Еще с большей теплотой она пишет о любимом ученике Спасителя

евангелисте Иоанне, который был исполнен нежного смирения, почему он и черпал много из божественного источника¹⁴.

Рефреном через все труды Хильдегард проходит понимание того, что в ее пророчествах нет ее воли, нет стремления присвоить себе какие-либо заслуги. Она всегда исполнена огромного страха, изрекая пророчества, что характерно для редкого типа людей, которые осознают свою избранность и полны глубокого личного смирения. Поэтому с такой болью звучит молитва Хильдегард о постижении тайны ее видений: «Я прошу Тебя, Господи, дай мне умение эти тайны воплотить в слова... Подскажи мне и дай мне узнать, как мне должно выразить божественное, вечную волю... Как зола и прах я перед собой в глубине моей души и как пыль развеянная. Дрожа, остаюсь я в тени, словно под покровом крыльев. Не истреби меня, как чужака из страны живых! О, Отец, полный добра и милости, научи меня, что есть воля Твоя и что я должна говорить. Отец, грозный и любвеобильный, Ты, полный всякой милости, не оставь меня, но сохрани меня в Твоем милосердии!»¹⁵

Нетрудно понять, почему эта особенность личности Хильдегард была столь притягательна для Эллы и ее сверстников. В лице средневековой пророчицы они видели человека, с раннего детства погруженного в мир духовный, со страхом и надеждой стремившегося разъяснить людям смысл заповедей Божьих. Пленительная своей непосредственностью, открытая мукам поиска Истины, Хильдегард рассматривала свое творчество как откровение души. Великая княгиня Елисавета Феодоровна, с детства познавшая легенды о немецкой Сивилле XII в., не создавала монографий, но многочисленные, объемные письма ее, которые со временем будут собраны воедино, откроют читателю неведомые стороны ее духовного мира, и она предстанет как мистически одаренный, размышляющий летописец общественного служения, которое было напрямую связано с проповедью Евангелия в жизни, с постоянным обращением к памяти о Боге, без боязни выглядеть старомодной в век нарастающего атеизма. Не случайно в бытии Великой княгини мы видим множество жестов, свидетельствующих о понимании ею пророческого назначения ряда святых людей, художников, поэтов, композиторов. Неудивительно, что и ее облик, изречения, письменные заметки воспринимались современниками как пророчества.

Второй пласт наследия, который привлекал к себе современников Эллы, – это, как отмечено выше, целительская харизма Хильдегард.

Перебравшись в 1150 г. в Рупертсберг и став настоятельницей монастыря, Хильдегард получила возможность более последовательно заняться изучением свойств растений и применить свои знания в целительстве. Занятий разного уровня сложности в эти годы у Хильдегард было множество, и она не сразу начала свою медицинскую практику в Рупертсберге. Но в правилах бенедиктинцев забота о больных стояла на первом месте среди всех других обязанностей. Приступив к врачеванию, помогая людям мазями и микстурами, лечебными травами, знаниями, полученными от Бога, усвоенными с глубокого детства, в опоре на систематику античных авторов, Хильдегард следует при этом ряду незыблемых для нее принципов:

– во-первых, она весь опыт своего целительства непременно соотносит с текстами Священного Писания;

– во-вторых, в ходе врачевания Хильдегард принимает во внимание состояние человека в целом, а не отдельную его болезнь;

– в-третьих, Хильдегард-врач во время лечения категорически не принимала противопоставления телесных и духовных потребностей человека. И здесь она значительно опережала свое время;

¹⁴ Там же. S. 36.

¹⁵ Там же. S. 36.

– в-четвертых, она утверждала, что неумеренное воздержание в еде, как и неумеренное насыщение ведут к подрыву сил души, и при таком безмерии «однажды человек не удержится на небе»; «скромная мера» – лейтмотив лечебной деятельности Хильдегард;

– в-пятых, первый путь к выздоровлению – разумный образ жизни, чередование бодрствования и сна;

– в-шестых, целительство Хильдегард отличал удачный синтез античных медицинских знаний с христианским духом гуманизма и милосердия, непосредственного участия и сострадания;

– в-седьмых, во врачебной практике Хильдегард использовала ценные свойства цветов, деревьев, драгоценных и полудрагоценных камней, металлов, животных, рыб, исследуя законы роста и воздействия всех известных в ее время растений, соединяя свои глубокие наблюдения за природой, богатые ботанические, зоологические и минералогические знания с молитвой, любовью к людям и интуитивными прозрениями.

Теодерих, ранний биограф Хильдегард, писал: «Дар целительства сиял так сильно в святой деве, что едва больной к ней обращался, как к нему возвращалось здоровье»¹⁶.

При лечении человека и выявлении его особенностей Хильдегард проводила уникальное для Средневековья половоспецифическое различие в поведении мужчины и женщины, посвящая им отдельные, тонкие психологические характеристики. Разделяя женщин в соответствии с манерой поведения – сангвинической, холерической, меланхолической или флегматической – Хильдегард по сути создавала практическое руководство, которое помогало женщине осознать свою психосматику и на основе самопознания сделать выбор между браком и безбрачием¹⁷.

Переписываемые в течение столетий труды Хильдегард содержат множество чужих приписок. Но это легко угадывается, если исследователь знаком с убеждениями аббатисы, с ее основными мировоззренческими позициями. Что касается ее целительских трудов, такая подделка обнаруживается сразу, если к методам ее врачевания некто относит магию, ибо Хильдегард всегда была резкой противницей этого явления.

Если отнестись к трудам Хильдегард внимательно, то можно увидеть, что одним из центральных положений здесь является «зеленая родовая сила», которая предстает перед взором читателя в самых разных формах: «есть сила из вечности, и эта сила зеленая», «благородная зелень», «зелень как жизненная сила» и т. д. Для Хильдегард понятие «зелень» – центральное слово экзистенциального значения, необходимого для реализации предназначения человека. Зелень – это гарант возобновляющегося жизненного разнообразия творения, повторяющегося в годовых ритмах¹⁸.

Хильдегард, используя такие антонимические понятия, как тепло и холод, определяет их свойство и значение для пользы или вреда человека. Каждое растение, по ее мнению, бывает теплым (душа растения) или холодным (тело растения). Непропорциональное употребление тех или других может нарушить внутреннее равновесие.

Рожь, как она полагает, «холоднее пшеницы, но заключает в себе много силы». Хлеб из нее хорош для здоровых людей и делает их сильными; хорош он и для полных, поскольку не увеличивает полноту так, как пшеничный. Роза холодна, но холодна в нужной пропорции. Розовый лист, положенный утром на глаза, делает их ясными. Лилия скорее холодное, нежели теплое растение. Но оно радует человека своим ароматом и готовит путь правильным мыслям. Особое место отводит Хильдегард кипарису, называя его «Таинством Господа». Выпитая натощак с его ствола вода помогает от дьявольского и магического воздействия. Каштаны восста-

¹⁶ Цит. по: Horst E. Hildegard von Bingen, Die Biographie. S. 89.

¹⁷ Там же. S. 99.

¹⁸ Там же. S. 90.

навливают силы человека. Оливковое масло излечивает подагру, как и вареный укроп. Груши, сваренные в воде, улучшают пищеварение; свежие яблоки нельзя есть больным, их лучше есть вареными.

Книга растений Хильдегард содержит описания лечебных свойств растений. Среди них – спельта, древняя форма пшеницы, целебные свойства которой были открыты современной медициной. Хильдегард подчеркивала, что спельта оздоравливает человека, очищает кровь, улучшает настроение.

Современные ученые утверждают, что никто не представил рыбную фауну в Рейне и его притоках столь основательно, как это в свое время сделала Хильдегард. Поскольку рыба была в рационе монастыря, она основательно изучила источники питания рыбы и высказала утверждение, что рыба из Рейна, Майна и Наэ более полезна, чем из Мозеля, где она питается отбросами.

Сегодня многое из рекомендаций и врачебных советов Хильдегард неприемлемо. Когда-то она рекомендовала пить воду из Рейна, поскольку эта вода изгоняла из человека вредные и болезнетворные элементы. Ныне река подверглась такому загрязнению, что пить из нее воду запрещено. Изведаны многие свойства растений, которые существенно дополняют те знания о них, какими располагала Хильдегард. Однако это не препятствует росту авторитета Хильдегард и в наши дни. В Швейцарии, Германии, Северной Америке и других странах расширяется движение, пропагандирующее лечебные методы Хильдегард, диеты Хильдегард, лекарства, приготовленные на основе рекомендаций знаменитой аббатисы. Ученые Германии говорят сегодня о Хильдегард как о первом пишущем враче Германии, хотя все прекрасно понимают, что верный путь постижения Хильдегард как чуда тесно связан далеко не только с удивлением перед объемом ее знаний о природе, но и с пониманием особенностей ее харизматического врачевания.

Отношение Хильдегард к божественной природе и ее возможностям очень похоже на огромное влечение к миру природы Великой княгини Елисаветы Феодоровны. В этот мир устремлялась она, когда ощущала, что «душа грустит о небесах», всякий раз отыскивая в лесах, полях Германии, а затем России отдохновение от официального церемониала, сплетен, злословия. Великая княгиня не пыталась делать те открытия в мире природы, которые для Хильдегард были частью жизни. Но цвет и аромат часто становились приоритетом в ее личном повседневном бытии. Она удалялась в сады и гостиные, где было много белых душистых цветов, чтобы отдохнуть от пугающей бульварной элегантности, от лстивой окраски речей, от огрубления вкусов, от угасания в человеке дара веры. Дорогие ее сердцу мотивы и образы определяли ее поведение в окружающей среде. Сверхчувствительность Великой княгини к божественным дарам позволяла и ей, как некогда Хильдегард, воздействовать на больного человека оздоравливающе, возвращать к жизни, казалось бы, безнадежно больных, лечить молитвой, самым фактом своего присутствия, легким, нежным прикосновением, чарующим звуком голоса. Здесь очевидна та же харизматическая избранность Елисаветы Феодоровны, которая отличала и Хильдегард.

Особое место в своих лечебных трактатах Хильдегард отводит драгоценным и полудрагоценным камням. Вера в силу таких камней, оберегающих от зла, есть часть древнего религиозного сознания. Хильдегард, хорошо знавшая Библию, понимала значение двенадцати камней, свойства которых она описывает, начиная с яшмы, сапфира и до аметиста. Но, как практикующий врач, Хильдегард специально подчеркивает их терапевтическую пользу. Любимым камнем аббатисы был сапфир, который епископы носили с шестого столетия на правой, благословляющей, руке. Хильдегард ценила этот камень, поскольку он символизирует, по ее словам, совершенную любовь к мудрости, а также прогоняет гнев, избавляет от воспаления глаз, исцеляет больной желудок. Свои преимущества во врачевании, по ее мнению, имеют смарагд, агат, оникс, аметист, яшма, берилл, халцедон, сердолик и другие камни.

Многие рецепты Хильдегард сегодня неприемлемы, однако некоторые активно использует современная медицина.

Но, как это ни странно для современного прагматического века, наибольшую популярность в последнее десятилетие принес Хильдегард третий из упомянутых ее даров – безусловная музыкальная одаренность.

Сочинение духовной музыки можно считать одним из главных занятий аббатисы. Уже в глубокой старости она признавалась, что и тексты песен, и мелодии во славу Господа она сочиняла и пела безо всякого обучения, не зная нот. По глубокому убеждению Хильдегард, пение и игра на инструментах во имя Господа «весят» значительно больше, чем просто дополнительные украшения жизни. В «Книге жизненных заслуг» она подчеркивает, что музыка открывает суть человеческого бытия и является вершиной гармонии души. «Она имеет в себе с самого первого вздоха, дарованного человеку Богом, мелодию ликования... которая выстраивает все явления в жизни человека в соответствии с их верным масштабом»¹⁹. Примечательна глубина значения, которое Хильдегард придавала музыке. То, что сегодня люди называют глубиной музыкального переживания, ведет начало, согласно Хильдегард, от истории искупительного подвига Иисуса Христа. Музыка, как она полагала, приводит человека к мучительному воспоминанию о его небесном происхождении. «Поскольку душа человека, – замечала Хильдегард, – содержит в себе благозвучную гармонию и она сама есть звучащее существо, она часто познает сострадание, когда воспринимает то, первейшее звучание. И тогда она вспоминает, что была изгнана со своей родины на чужбину»²⁰.

Музыкальная природа души уводит человека назад к Слову, которое было вначале, и это «звучащее Слово» пробудило к жизни Вселенную, пробудило все к жизни, земной шар воспринял звучание, исходящее от Отца. Это Божье создание Хильдегард описывала как симфонию. Мотив звучащего Космоса встречается во многих древних культурах. Но в христианстве это получает свою окраску: мотивы звучащего космоса и поющих сфер (планеты движутся по невидимым путям, сферам, и при этом раздаётся чудесная музыка) напластовываются все более на пение ангелов. Античная идея всемирной гармонии отступает перед христианской всемирной литургией²¹.

Озвученное понимание творения, изложенное Хильдегард, имеет следствием учение о звучащем бытии, согласно которому диссонанс пороков контрастирует с благозвучием добродетелей. Контрастно звучание порока разгула и добродетели аскетизма. Добродетель справедливости характеризуется как «хвалебная песнь» делам Господа. В свою очередь немusикально звучание алчности: «Я сгребаю все к себе и собираю все к себе на колени». Противник алчности, умеренность, является добродетелью открытых рук, которые обвивают с любовью то, что алчность душит, прижимая к себе. Размышляя о судьбе алчных, Хильдегард пишет, что «симфония Святого Духа, которой по велению Господа должны радоваться, забыта ими. А ведь люди созданы как часть музыкального порядка»²².

Мудрость добродетелей, подчеркивала Хильдегард, ликующа и разумна, так как человек, ей созвучный, связан с Господом. Пороки, напротив, свидетельствуют об отсутствии радости. В жизни носителей пороков царит дух разделения. В этой связи Хильдегард подчеркивает, что душа должна быть симфонична, гармонична. Симфоничная душа, по ее мнению, всегда будет и разумной. Ведь разум лишь тогда действительно разумен, когда он созвучен порядку целого²³.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ Там же. S. 134.

²¹ Там же. S. 135.

²² Там же. S. 138.

²³ Там же. S. 139, 140.

Музыкальное наследие Хильдегард составляют 77 духовных песнопений, а также опера «Игра сил», где представлена борьба света против сил тьмы. Исследователи полагают, что премьера оперы была приурочена к освящению монастырской церкви в Рупертсберге 1 мая 1152 г. Роли божественных сил исполняли 16 монахинь. Единственная роль без пения, доставшаяся монаху Вольмару, сопровождалась шумом и грохотом: дьявол чужд гармонии, благозвучию творения – у зла нет песен²⁴.

Свои песни Хильдегард посвящала ангелам и апостолам, пророкам и святым мученикам, вдовам и девам. Ряд песен посвящался праздникам, освящению церкви. Она видела в христианской церкви место укрепления силы, место, где лечатся «раны народов». Аббатиса своим творчеством привлекала внимание сограждан к значительным событиям своего времени, делала наглядной свою большую веру в христианскую Церковь. Так, Хильдегард написала несколько песен после открытия огромного кладбища в Кельне, где, как предполагали, находились мощи св. Урсулы и одиннадцати тысяч ее сподвижниц²⁵.

Многие песни Хильдегард посвящены Пресвятой Богородице. Этот образ – первооснова небесной симфонии, поэтическое слово об основе гармонии и благозвучия.

...Из Тебя раздавались все симфонии небес,
Ведь Ты, Дева, сияя в Господе,
Носила Сына Господа²⁶.

В поэзии Хильдегард множество необыкновенных символических названий Богородицы: светло сияющий благородный камень, основа жизни, освященная Божественным светом, ветвь, полная любви...

Аббатиса не стремилась стать поэтом. Она признавалась, что не написала ничего по собственной воле, но лишь по внушению свыше, в соответствии с тем, что видела и слышала. А поэтому свое сочинение духовных песнопений она рассматривает как долг, как музыкальное сопровождение церковных служб. Соответственно, тексты песен обозначаются как антифоны, респонсории и секвенции.

Письмо восьмидесятилетней аббатисы показывает, насколько высоко она ценила хвалу, воздаваемую Господу через духовные песнопения, как значимо это для монастырской жизни. Все виды искусства созданы человеком «благодаря дыханию Господа»²⁷.

К настоящему времени издано не менее 30 компакт-дисков, посвященных в основном литургическим песнопениям Хильдегард. Исследователи отмечают полную «Симфонию» аббатисы, которую записал в 1994 г. Кельнский ансамбль старинной музыки «Секвенция». Первым из пяти дисков этой серии были «Гимны Восторга». После выпуска диска «Святые» в 1998 г. ушла из жизни выдающаяся певица Барбара Торнтон, чей вклад в интерпретацию этой музыки уникален. Подлинными ценителями духовной музыки полагают, что здесь происходит слияние небесной и земной гармонии в такой мере, которая позволяет услышать вышесмирное звучание божественных песнопений. Неудивительно, что среди множества разнообразных творческих проявлений Хильдегард люди с особым душевным трепетом выделяют литургические мотивы.

Несмотря на то что глубокая профессиональная расшифровка музыкальных произведений Хильдегард, их запись с помощью достаточно совершенной аппаратуры стала возможной лишь в последние десятилетия, некоторое представление о необыкновенной красоте ее песно-

²⁴ Там же. S. 77.

²⁵ Там же. S. 80.

²⁶ Там же. S. 81.

²⁷ Там же. S. 84.

пений было и тогда, в пору юности Эллы. Духовная и классическая музыка пронизывала всю жизнь дармштадтской принцессы, которая с детства была хорошо подготовлена для восприятия самых сложных музыкальных произведений. Даже в ту раннюю пору музыка не была для Эллы лишь одним из превосходных средств отдохновения. Поражает многообразие палитры музыкальных сочинений, которые она предпочитала. И все же, как отмечал пастор лютеранского собора, который хорошо знал великогерцогскую семью, и другие горожане Дармштадта, Великий герцог и все члены его семьи предпочитали духовные песни. Поэтому изучение пласта музыкального наследия таких композиторов Средневековья, как Хильдегард, было безусловным. Конечно, в те дни музыкальный авторитет Хильдегард не был так велик, как сегодня, а система коммуникаций того времени не позволяла рассматривать это явление в ракурсе событий мирового значения. Впрочем, истории известно немало примеров, когда доброе предание становилось равносильно доброму писанию, основанному на документированных материалах. Одно несомненно – душа юной девушки жадно впитывала духовные и мелодические находки в музыке прошлых столетий, ощущая музыкальные гостиные дармштадтского замка, а также замка в Кранихштайне как желанные места доверительного музицирования.

При рассмотрении ряда вопросов творческой биографии Хильдегард необходимо учесть еще одно существенное обстоятельство. XII век отличался многообразием подъемов и спадов, которые резко изменяли ситуации в церковной организации. В течение долгих лет богатые дворянские монастыри бенедиктинцев в значительной мере определяли эту ситуацию. Теперь в результате мощного движения реформ менялся общественный статус и структура монастырской иерархии. Жизненный уклад во многих монастырях свидетельствовал об отходе от строгих принципов бытия бенедиктинцев. Монастыри – владельцы больших земельных угодий – заботились об увеличении своего богатства, все меньше предавались уединенной молитве. С другой стороны, появлялись ордена, отстаивающие принципы евангельской бедности, стремившиеся к обновлению монашеских отношений на основе принципов древнехристианских отшельников. Менялся социальный состав монашества, представители новых общественных слоев проникали в монастыри, где прежде доминировало дворянство. Возникли мотивы раскола особого характера.

В контексте этих событий некоторые исследователи творчества Хильдегард анализировали ее переписку с Тенксвинд, «хозяйкой» монастыря в Рупертсберге. Тенксвинд была сестрой Рихарда дон Шпрингирсбаха, который представлял наиболее жесткое направление ордена премонстратов. Когда начиналась переписка с Хильдегард, Тенксвинд уже более двадцати лет была настоятельницей женского монастыря, который следовал строгим правилам Шпрингирсбаха. Поскольку Тенксвинд исповедала идеал бедности, она выражала несогласие с проведением праздничных литургий в обители Хильдегард, отвергала возможность дорогих одеяний и открытых волос у монахинь ее монастыря. Неприемлемо с позиций христианской этики, полагала Тенксвинд, что в монастыре Хильдегард находились исключительно представительницы дворянства, ведь Иисус Христос избрал в качестве помощников простых рыбаков. По ее мнению, согласно правилам, принятым у бенедиктинцев, нет оправдания такому поведению²⁸.

В свою очередь Хильдегард писала, что Господь дал народу различия, как и на небе – Он разделил их на определенные категории – ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и т. д. Иерархия на земле, подчеркивает аббатиса, подобна небесной иерархии. Господь следит, пишет Хильдегард, чтобы люди не взлетали выше своих возможностей, выше положения, которое было им определено. Нарушение иерархии людьми грозит общественному порядку и устройству монастырской жизни²⁹.

²⁸ Diers M. Hildegard von Bingen... S. 50.

²⁹ Там же.

В споре двух знаменитых аббатис поднят вопрос, который многократно становился предметом обсуждения в разных странах. Возобладание той или иной позиции в конкретный исторический период могло повлиять на авторитет временно угасавшей тенденции. Но проходило время, и приходилось признавать наличие этих, на первый взгляд, противоречивых тенденций, в каждой из которых есть своя доля правды и своя мера ущербности.

Через пятьдесят лет после смерти Хильдегард папа Григор IX дает ход ходатайству о ее канонизации. У монахинь из Рупертсберга не было ни малейшего сомнения в святости Хильдегард. В процедуре канонизации они видели лишь формальность. В 1230 г. они изготовили алтарное покрывало для высокого алтаря своей аббатской церкви. Это покрывало, сделанное на основе пурпурного византийского шелка, являлось роскошью для того времени. На парчовой вышивке изображены несколько фигур, окружающих сидящего на троне Христа в венце. Справа, рядом с патроном монастыря Рупертом, стоит Хильдегард с моделью церкви в руках. На голове у нее, единственной, ниспадающий белый плат, который напоминает о праздничной одежде Хильдегард и ее сестер, надеваемой в дни больших праздников. Над головой Хильдегард впервые появляется нимб, который свидетельствует о высоких ожиданиях монахинь. Но их постигло разочарование. И вряд ли дело было в позиции папы, который не препятствовал канонизации Франциска Ассизского, Елизаветы Тюрингенской и ряда других святых. Общеизвестно, что он с радостью встретил известие о предстоящей канонизации Хильдегард. У самых жестких членов комиссии по канонизации не было сомнений в святости Хильдегард. Но пугала ее смелость, обилие открытий знаменитой аббатисы взрывало в них замкнутость средневековых представлений. Ее стремление увидеть человека в его целостности было нетипичным для того времени. Эта гениальная самоучка вызывала подозрение и недоверие у ортодоксальных церковников. Многозначность ее высказываний пугала, забывались и отодвигались в тень ее сбывающиеся пророчества, многочисленные исцеления больных, ее гениальные литургические песнопения.

Эберхард Хорст в заключение одной из своих работ делает вывод: «Хильдегард направила свой взгляд на все человечество, призванное к святости, она переросла свое время... В мире начинающегося XXI века ее присутствие несокрушимо»³⁰.

Мы достаточно подробно рассмотрели ряд особенностей бытия и религиозной веры Хильдегард с тем, чтобы показать историко-культурный, духовный фон жизни дармштадтской принцессы, раскрыв традиционные основы самосознания народа, которые были характерны для той порейнской земли, где протекала ее юность. Образ средневековой пророчицы, одаренной самоучки, раскрывшей свои необыкновенные способности в широком предметном поле, позволял ощутить, что путь к истине не открывается холодному разуму, а ценностные ориентиры, своеобразные духовные «поверстные столбы жизни», не возникают в бытии путем доказательств. Подобные образы позволяли ищущему молодому человеку уйти от легкомысленной оценки духовной эволюции.

Было бы нелепо возводить на моральный пьедестал Хильдегард, создавая ее непогрешимый образ. Ведь даже святой человек – это не Бог, это особый тип личности, особый способ отношения к миру и к людям, особый тип духовного бытия, ориентированного на вышемирные цели, ценности и смыслы. И все же это личность с ее греховой природой. Вместе с тем всем и во всем был очевиден особый христианский уровень этой личности. Обо всех своих открытиях, видениях и вещих снах она с огромным трепетом, а не с тщеславием сообщала людям, постоянно пребывая в страхе Божьем перед теми небесными явлениями, которые открывались ей. Любой вид своей деятельности Хильдегард рассматривала с христианской позиции, сквозь призму христиански понятого смысла жизни. Такой образ мышления и чувствования был способом ее духовного существования. Живя в реальном мире, конкретно откликаясь на его боли

³⁰ Horst E. Hildegard von Bingen... S. 222, 223.

и радости, Хильдегард приоритетное значение отдавала не, казалось бы, главным, экономическим, вопросам развития общества, но прежде всего вопросам нравственности и духовного становления людей. И в этом отношении Великой княгине Елисавете Феодоровне близок образ ее средневековой предшественницы.

Сегодня, в эпоху грандиозных социальных сдвигов, когда вновь прочитываются богатейшие пласты культуры, воображение человека поражают неожиданные грани этого наследия. Возникает интерес к новой тематической заданности исследований. В их ряду природа христианской самоотверженности. Этот мотив звучит все более ощутимо по мере того, как жизнь подтверждает худшие опасения относительно углубляющейся коммерциализации межличностных отношений в мире глобализма.

Неудивительно поэтому, что сегодня, в годы этих эпохальных разломов, так возрос интерес научной общественности и к другому образу святого человека, который безусловно стал своеобразным духовным источником развития юной принцессы Гессенской и Рейнской.

1.2. Св. Елизавета Тюрингенская: жизненный путь и жертвенное призвание

Глубокий антропологический кризис, радикальный релятивизм современного общества побуждает все более серьезно задуматься о том, что нельзя разумно служить земному, забывая о небесном, о непреходящих духовных основах бытия. Социальные катастрофы и кризисы всегда погружают людей в состояние творческих порывов, сопряженных с глубоким покаянием. В такие периоды все более интенсивно изучаются знаковые фигуры отдаленного прошлого, способные и сегодня противостоять углубляющейся дегуманизации культуры. В их ряду – святая подвижница XIII в. Елизавета Тюрингенская – одна из родоначальниц Гессенского рода Германии, поразившая воображение Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Бытие Елизаветы Тюрингенской в сознании современного человека – это реальный вызов ряду позитивистских антропологических концепций. Это житие, постигаемое многими в своей духовной сущности, для целого ряда людей неопатристического сознания открывается как знаковое явление, выступая в качестве одной из основ для преодоления упрощенного подхода к диалогу восточно– и западнохристианских традиций.

Встретившись с данным явлением в детстве, Великая княгиня Елисавета Феодоровна, разумеется, была далека от аналитического взгляда на это житие, но сразу ощутила его как вдохновляющий пример, как побудительную силу к личностному духовному творчеству.

По мнению Великой княгини, несчастье людей состоит в том, что плоть человека не слышит движений души. Пример св. Елизаветы Тюрингенской свидетельствовал, что она, оставаясь в рамках придворного церемониала, находила возможность и необходимость жить в мире идеальных ценностей, бытуя в кругу повседневного коварства и расчета. Елисавета Феодоровна понимала – для того чтобы выйти на такой уровень бытия, необходима огромная внутренняя работа, становящаяся привычкой.

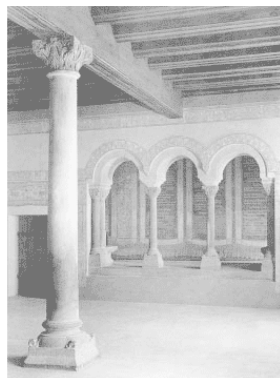
Даже сегодня, через несколько столетий, следует признать, что наследие, связанное с именем Елизаветы Тюрингенской, еще недостаточно изучено. Но надо полагать, что 2007, юбилейный, год откроет ряд новых страниц в исследовании этой короткой удивительной жизни. Почитание св. Елизаветы с самого начала было велико в Баварии и особенно у Андекссов, поскольку ее мать происходила из этого благородного дворянского рода. Несмотря на то что с первых лет жизни девочка стала свидетелем многих драматических событий в этом семействе, наблюдая, как постоянно преодолевались барьеры враждебности и недоверия внутри рода, нельзя не отметить справедливость целостной средневековой характеристики этой местности – «небо святых Андексса»³¹. Именно в данной части Германии, как отмечается в древних источниках, было необычайно много мужчин и женщин из этого могущественного ландграфского рода, причисленных к лику святых.

Андехсеры владели семью графствами. Их земли простирались от Северных земель до Адриатики. Сыновья ландграфов, как правило, занимали высокие государственные, общественные и церковные должности. К числу мощных ландграфов Средневековья можно отнести Бертольда IV, бесстрашного в борьбе против язычников в одном из крестовых походов, верного вассала императора, покровителя искусств, воспетого в средневековой поэзии.

³¹ Die Hl. Elisabeth von Thüringen. Regensburg, 2003. S. 2.

Марбург. Церковь св. Елизаветы. Св. Елизавета. Скульптура. Материал – дерево. 1470 г.

Слева: Фрагмент фрески «Соревнование певцов» Морица фон Швинда

Справа: Здание ландграфа. Зал певцов. Архитектурное оформление XIX в. (Беседка для певцов)

Дочь Бертольда, Гертруда, венчанная с королем Андреасом Венгерским, является матерью св. Елизаветы.

Елизавета родилась в 1207 г. в Северной Венгрии, в замке Сароспатак, который и сегодня впечатляет как мощное средневековое строение. Жизненный путь девочки был определен ее родителями, когда Елизавете исполнилось 4 года. Ландграф Тюрингии Герман в это время искал будущую невесту для своего сына. Ландграф был покровителем искусств. Здесь, в Вартбурге, где он построил впечатляющий замок, регулярно проходили легендарные состязания певцов. Периоду расцвета Вартбурга особое внимание уделил в свое время Рихард Вагнер, создав оперу «Тангейзер, или Война певцов в Вартбурге», которая была впервые поставлена в Дрездене в 1845 г. Память о Елизавете Тюрингенской связала Ференца Листа с Вартбургом. В 1867 г. под руководством композитора его оратория «Легенда о св. Елизавете» прозвучала в Зале торжеств в доме ландграфов к 800-летию юбилею города.

Кандидатура венгерской принцессы в жены его сына привлекала внимание ландграфа Тюрингии не только из-за богатства невесты, но также и в силу необычайной притягательности образа Венгрии, считавшейся в то время экзотической волшебной страной.

В хронике Тюрингенского придворного капеллана сообщалось, что королева Гертруда позаботилась о том, чтобы Елизавета, отправляемая из Венгрии, была «экипирована», как подобает королевской дочери. Королева, как пишет капеллан, щедро одарила серебром, золотом и драгоценностями посланников ландграфа Тюрингии, прибывших за Елизаветой, положила свою дочь в серебряную колыбель, которая была украшена драгоценным шелком. Она отправила в Тюрингию с ребенком огромное количество золотых и серебряных сосудов для питья, редкие по красоте пряжки, кресты с драгоценными камнями; множество пестрых лент, богатых одежд из меха, золототканые платки и балдахины, постельные принадлежности из пурпурного шелка, серебряный сосуд для купания девочки. «Столь богатые сокровища, – замечает капеллан, – никогда больше не увидят в Тюрингии»³².

Такую подготовку к путешествию маленькой Елизаветы вряд ли можно объяснить только liebeобилием ее родителей. Предметы изысканной формы, выполненные из драгоценных металлов и камней, помещенные в золотую оправу тонкой огранки, серебряная парадная утварь должны были стать для Тюрингенского ландграфа свидетельством как эстетического вкуса дарителей, так и указанием на их богатые фонды реликвариев, порождавшие манию честолюбия владельцев подобной роскоши.

По приезде в Тюрингию Елизавету приняли как королевскую дочь, отдали до свадьбы молодому князю под охрану и воспитывали с большой любовью и прилежанием. Непосредственно после переселения в Тюрингию в подружки Елизавете была определена девочка по имени Гуда, чьи воспоминания позволяют ощутить некоторые особенности мировосприятия Елизаветы в самом раннем возрасте. Воспитанием детей в этом дворянском доме Тюрингии занималась ландграфиня София, стремившаяся к монашескому образу жизни. После замужества Елизаветы в 1221 г. она уйдет в монастырь св. Катарины в Ейзенахе. Подрастающая Елизавета очень рано, благодаря воспитанию под руководством своей будущей свекрови, познакомилась с миром монашества, в частности с философией цистерцианцев.

Детство и юность Елизаветы, таким образом, протекали, с одной стороны, в обстановке богатства и блистательной светскости, а с другой – в мире глубочайшей религиозности.

³² Там же. S. 8.

Как вспоминает Гуда, подруга юных лет Елизаветы, в душе королевской дочери очень рано проснулось стремление к жизни, построенной на основе евангельских заповедей. Уже в пять лет, еще не умея читать, она часто открывала Псалтирь в придворной капелле и, словно читая молитву, преклоняла колени. Если перед сном она не успевала в капелле дочитать молитву, то в постели непременно дочитывала ее. В многочисленных детских играх Елизавета всегда старалась отказаться от шанса победы. А если все же выигрывала, то отдавала тем, кто проиграл, часть своего выигрыша и просила молитв тех, кого одаривала³³.

Путь безусловного, с детства идущего вступления человека в христианство был всегда близок Великой княгине Елисавете Феодоровне. И если в 1914 г. она посвящает книгу «Под благодатным небом» тем, кто впитал в себя ценности христианства с младенчества, то одним из побудительных мотивов создания этой книги, вполне возможно, была память о детстве св. Елизаветы Тюрингенской. Великая княгиня, как и ее великая предшественница, понимала, что всецелое, глубокое, с детства идущее введение ребенка в мир христианства и культуры подлинной – это путь спасения не только отдельного человека, но народа в целом; это основа формирования менталитета нации. Но альфа и омега данного процесса состоит в том, что спасение нас Богом без нашего участия в этом благом деле весьма проблематично. Хотя необходимо помнить и другое, главное: спасение – это, в конечном счете, Дар Божий, без которого оно невозможно.

Художественное развитие Елизаветы совершалось в весьма благоприятной обстановке. В те годы ансамбль собраний искусств при Тюрингенском дворе славился множеством шедевров, таких как «Псалтирь ландграфа» (1210–1213 гг.) и «Псалтирь ландграфини Софии» (1210–1220 гг.), необыкновенное исполнение которых свидетельствовало о высоком развитии искусства, художественном вкусе мастеров и понимании ими запросов заказчиков.

Огромная привлекательность владения коллекциями старинных предметов и рукописей, поиск эстетических, культурных, духовных глубин той или иной ценности оказывали свое влияние как на развитие культуры данной местности, так и на индивидуальное возрастание юного поколения ландграфов. Художественные шедевры в коллекциях Тюрингии как культурные символы их благополучия способствовали формированию некоего подобия специальных кунсткамер, кабинетов художественных сокровищ. В такой обстановке происходило эстетическое развитие королевской дочери, от природы наделенной врожденным вкусом и талантом постижения красоты.

За год до смерти ландграфа Германа умер его сын, жених Елизаветы. В Венгрии погибла и ее мать. Судьба девочки стала неопределенной, многие при Тюрингенском дворе смотрели на нее не так доброжелательно, как раньше. Хотя всем, как и прежде, было очевидно очарование этой темноволосой девочки с сияющими глазами. Не по годам умная, храбрая наездница, чуткая к нормам этикета, она вызывала восхищение. И все же Елизавета оставалась загадкой для людей, поражало ее недетское желание помочь всем нуждавшимся в помощи, ее доброта по отношению к бедным. Ее сверстники признавались в постоянном стремлении Елизаветы избегать игр и скрываться в капелле. Во время танцев, когда нужно было делать много туров, она ограничивалась одним и говорила: «Один тур достаточен для мира, остальные я оставляю ради Господа»³⁴.

Сами по себе эти знаки набожности Елизаветы не вызывали резкого неприятия. Но когда девочка, приходя в капеллу, снимала с головы украшения и надевала бедное платье, а также, игнорируя свои титулы, доброжелательно общалась в церкви со служанками, она получала жесткий отпор со стороны ландграфини Софии: «Елизавета, Вы хотите ввести у нас новые обычаи, чтобы люди смеялись над нами?» На что Елизавета отвечала: «Чуждо мне, ничтож-

³³ Triese M. Eine Heilige in Thüringen: Elisabeth. Erfurt, 2000. S. 13.

³⁴ Die Hl. Elisabeth von Thüringen. Regensburg, 2003. S. 15.

ному созданию земли, перед лицом моего Господа и Короля Иисуса Христа, которого я видела увенчанным терновым венцом, являться увенчанной высокомерием»³⁵.

Такая позиция девочки возбудила вокруг нее интриги, козни; ее даже хотели отправить на родину или в монастырь. Но к Елизавете питал безусловную склонность ее брат по воспитанию Людвиг, который после смерти его старшего брата Германа – жениха Елизаветы – стал наследником всех земель. На вопрос, хочет ли он заключить брачный союз с королевской дочерью, Людвиг, указывая на высокую гору, сказал: «Если бы эта гора была сверху донизу из золота, я бы скорее отказался от нее, чем от союза с Елизаветой. Пусть другие думают и говорят, что считают нужным, – а я люблю Елизавету и ценю брак с ней выше, чем все другое»³⁶.

В 1221 г., отпраздновав торжественную свадьбу, 20-летний Людвиг и 14-летняя Елизавета отправились в свадебное путешествие в Венгрию, чтобы побывать на могиле матери Елизаветы, убитой в 1213 г. В результате брака, длившегося шесть лет, Елизавета подарила мужу троих детей. Своего первенца Германа Елизавета родила в 15 лет в замке Крайцбурга в 1222 г., дочери София и Гертруда появились на свет соответственно в 1224 и 1227 гг. в Вартбурге.

³⁵ Там же. S. 16.

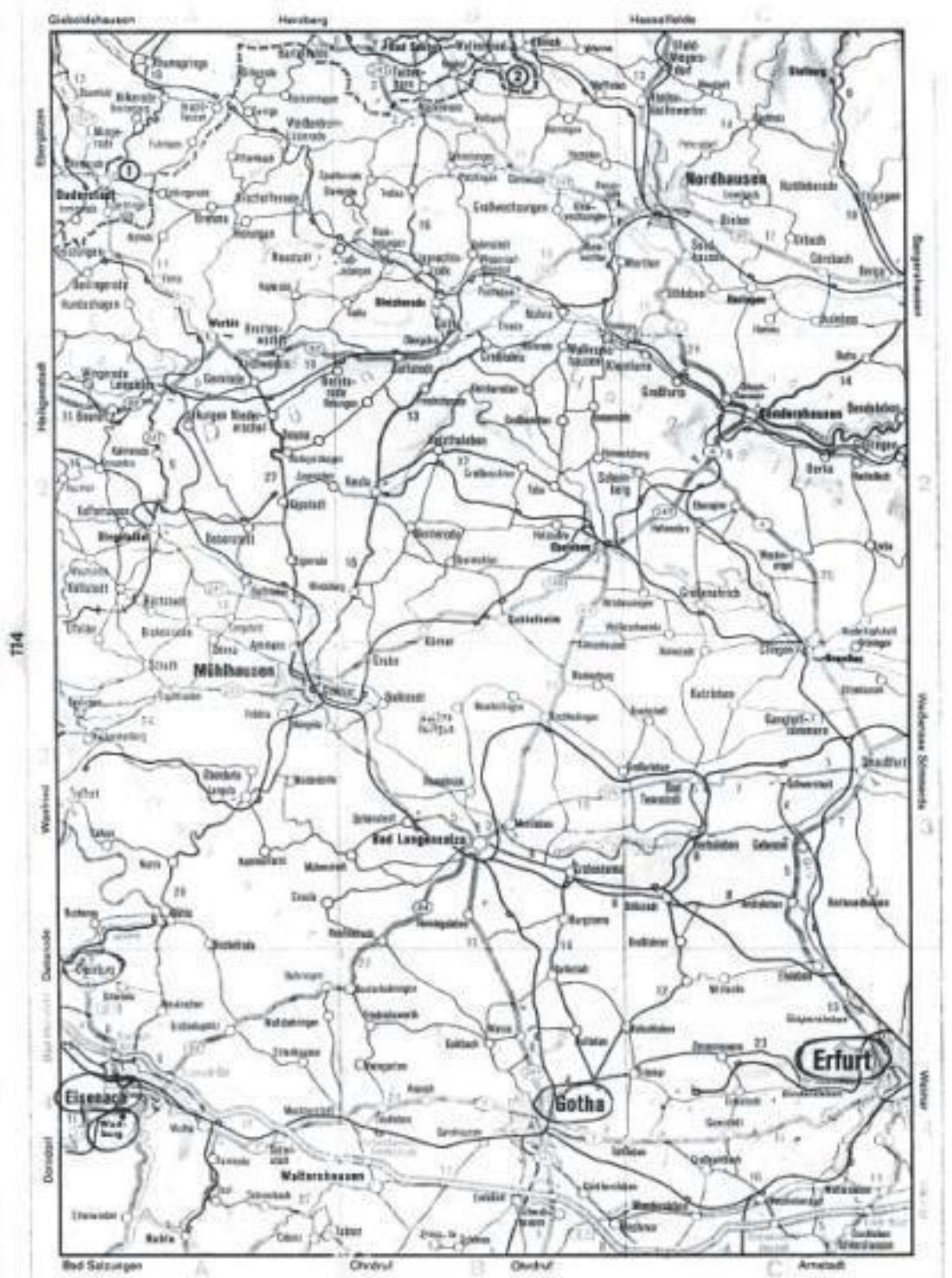
³⁶ Там же.

Иена. Тюрингенская университетская и земельная библиотека. Собрание рукописей. Начало биографии Елизаветы, написанной Дитрихом из Апольды

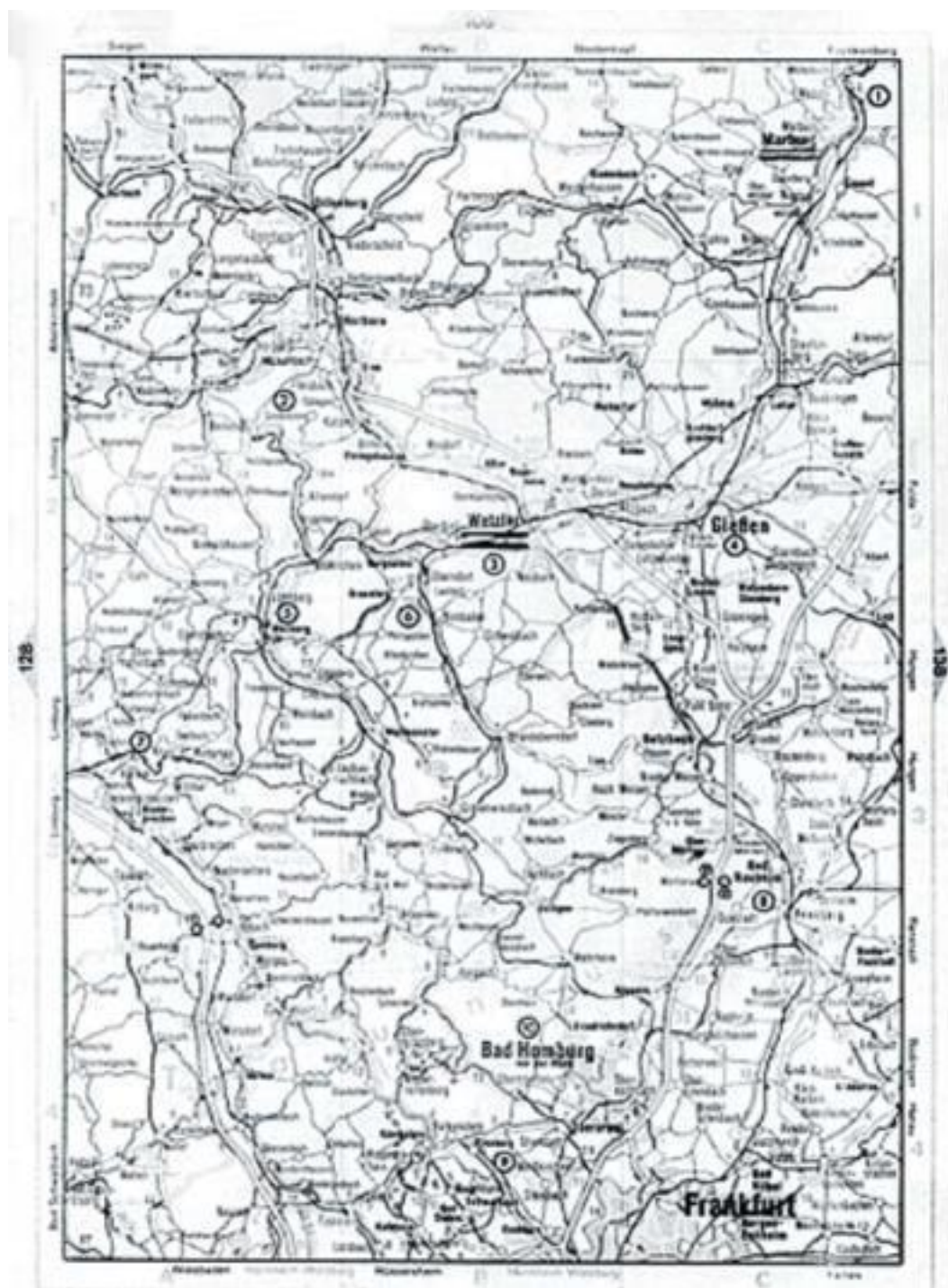
Несмотря на исключительно счастливую семейную жизнь, Елизавета всегда сожалела об утрате девственности, в чем и признавалась своему исповеднику Конраду из Марбурга.

Вступив в семью, которая вполне соответствовала ее королевскому происхождению и упрочив связь с домом императора, Елизавета вначале старалась соответствовать этому миру как его первая дама, принимала участие в придворных праздниках, роскошно одевалась, выполняла задачи хозяйки дома при государственных визитах.

Людвиг, который во многом наследовал характер отца с его неистовостью и даже жестокостью, постоянно ощущал благотворное влияние молодой жены, умевшей умирять его порывы. Елизавета, не подчиняясь условностям Тюрингенского двора, отказывалась замыкать свою жизнь, как было принято, на женской половине. Она почти всегда оставалась рядом с любимым мужем, сопровождала его в длительных поездках. Если же по каким-либо обстоятельствам она оставалась дома, то тщательно и радостно готовилась к встрече дорогого мужа.

В Готе – первый госпиталь, основанный Елизаветой Тюрингенской. В Эрфурте жил ее первый биограф. В Эйзенахе она принесла клятву отречения от мира

Ветцлар. В монастырь этого города была определена младшая дочь Елизаветы Тюрингенской. Для этого монастыря святая пряла шерсть. В Марбурге были похоронены св. Елизавета Тюрингенская и ее супруг

Супруги хранили безусловную верность друг другу. Елизавета нередко вставала ночью на молитву. Людвиг, держа ее за руку во время молитвы, просил побережь здоровье и лечь в постель.

Приблизительно в 1223 г. состоялось основание первого госпиталя в Готе, где Елизавета впервые соприкоснулась, как говорят источники, с возможностью социальной ответственности и христианской любви к ближнему. На ее пути от ландграфини до сестры милосердия в госпитале – это был первый решающий шаг. Здесь она регулярно посещала, утешала больных,

кормила их и ухаживала за ними. Несмотря на то что в повседневной жизни Елизавета с трудом выносила дурные запахи, тяжелый воздух, она без всякого отвращения переносила самый плохой больничный воздух даже летом, когда неприятный запах усиливается, – служанки и те выносили это с трудом. Она же с радостью сама обслуживала больных³⁷.

В жизнеописании, составленном Дитрихом из Апольды (XIII в.), главным средневековым биографом Елизаветы, сообщалось, что однажды эта делательница милосердия положила в супружескую постель прокаженного, который вначале был вымыт в ее ванне. Узнав об этом, свекровь Елизаветы привела сына в спальню. Но тут Господь открыл ландграфу духовные очи, и, откинув одеяло, вместо прокаженного он увидел распятие. «И, утешенный увиденным, попросил богобоязненный князь свою святую супругу, чтобы она чаще клала в его постель таких прокаженных. Так он узнал, что Христос прославляется и принимается в самых ничтожных Своих детях»³⁸. Эта легенда под названием «Чудо о кресте» или «Чудо с постелью» вошла в сокровищницу сказаний, которые связаны с личностью Елизаветы.

Скульптура святой Елизаветы Тюрингенской в соборе Эрфурта. Материал – липа. 1400 г.

Случай этот совпадает с тем временем, когда в Германии набирает силу движение францисканцев. Именно в год основания госпиталя в Готе из Эрфурта в Эйзенах прибывают францисканские монахи, идеологии которых соответствовала забота о самых отвергнутых обществом больных – прокаженных (в силу опасности этой инфекции). Приведенный выше случай далеко не единственный. Елизавета часто и бесстрашно заботилась о прокаженных. Любовь

³⁷ Там же. S. 19.

³⁸ Triese M. Eine Heilige in Thüringen: Elisabeth. Erfurt, 2000. S. 36.

Господа открывала человеку внутреннее зрение. Больной давал возможность увидеть совершенно другую реальность, к которой Елизавета стремилась.

В год основания Готы духовным учителем Елизаветы стал монах Родигер, который учил ее целомудрию, смирению, терпению, регулярной молитве и милосердию. В 1225 г. его сменил Конрад, высокообразованный теолог из Марбурга, который покорила Елизавету тем, что в частной жизни он следовал строгим принципам и требованиям к самому себе.

С Тюрингенским домом Конрад вошел в тесный контакт в ходе подготовки Людвиг к крестовому походу (конец 1225 – начало 1226 г.). Провозглашенные Родигером идеалы Елизавета увидела воплощенными в радикальном аскетизме Конрада.

В 1226 г. Елизавета дала Конраду в монастыре Катарини в Эйзенахе, с согласия своего супруга Людвиг, двойную клятву. Она поклялась, во-первых, в безусловном послушании Конраду, если это не будет вредить правам мужа, и, во-вторых, в случае смерти Людвиг – отказаться от повторного брака. Конрад объявил Елизавете также: она должна вкушать только те кушанья, когда ее совесть остается чистой. Елизавете трудно было следовать этому требованию Конрада. Но она не только сама приняла его, но уговорила трех своих служанок следовать этому повелению вместе с ней.

В эти годы Елизавета постепенно находила собственные формы христианского обихода. Во время крестных ходов она обычно шла в простом шерстяном платье, босиком, среди самых бедных людей. Она пряла шерсть для бедных и неимущих из окрестностей Вартбурга, вступалась за беременных, рожениц, крестила детей бедняков, чтобы ее помощь была обоснованной. Следила за тем, чтобы умерших бедняков хоронили достойно. Однажды в Страстной Четверг Елизавета омыла ноги многим прокаженным, целовала их раны. Она всегда использовала возможность утешить и ободрить этих изгоев общества. Чтобы дистанцироваться от придворного блеска, она носила под платьем власяницу.

В то время как муж Елизаветы находился в Италии при императоре Фридрихе II и готовился к крестовому походу, в Тюрингии в 1226 г. начался небывалый голод, приведший к смерти многих людей. В эти страшные дни 19-летняя ландграфиня приняла на себя всю ответственность и сумела блестяще справиться с тяжелейшей ситуацией. Она предприняла ряд мер, которые позволили существенно уменьшить нужду людей в эти критические дни.

Во-первых, она использовала не только текущие продовольственные поступления, но и все заложенные на хранение запасы из всех четырех владений своего мужа (Тюрингии, Гессена, Саксонии и Мейсена), чтобы раздавать продукты бедным и нуждающимся.

Во-вторых, она разрешила особенно ослабевшим от голода людям расположиться в непосредственной близости от Вартбурга и кормила их продуктами со стола ландграфа.

В-третьих, Елизавета продала драгоценности, украшения, бальные платья и другие ценные вещи, чтобы получить как можно больше средств для помощи нуждающимся.

В-четвертых, она предложила страждущим поддержку для взаимной помощи. Она раздавала способным трудиться рабочую одежду (плащи, обувь) и рабочие инструменты (серпы), чтобы они могли добывать себе пропитание. А тем, кто не мог физически работать, предложила продавать на рынке текстиль и зарабатывать себе на питание. Елизавета приняла голод и страдания безропотно, смиренно, как удар судьбы. У нее хватило сил изменить ситуацию.

В-пятых, у подножия Вартбурга она основала госпиталь с детским отделением. После Готы, это был второй госпиталь, в котором она лично ухаживала за больными и сиротами. Ежедневно утром и вечером Елизавета приходила туда и сама помогала самым тяжелым больным³⁹.

Самым страшным для нее был не голод и смерть, но лишение людей веры в таинственную Божественную силу. Протягивая руку помощи беднякам, Елизавета понимала, что голод физический может усилить голод духовный. Не случайно поэтому в течение веков народ создавал

³⁹ Там же. S. 41.

легенды, которые служили поддержкой для слабых духом (достаточно в этой связи вспомнить легенду о розах или о перчатке).

Елизавета Тюрингенская в Вартбурге

Июнь 1227 г. стал крайне печальным для Елизаветы: она услышала о намерении мужа сопровождать императора Фридриха II в его крестовом походе. Она в течение двух дней скакала с ним до границы страны. После тяжелого прощания с Людвигом она вернулась домой и переделалась во вдовье платье. Предчувствие не обмануло ее. Получив известие о смерти мужа, она с болью воскликнула: «Умер? Тогда для меня умер мир и все, что мир может мне пред-

ложить»⁴⁰. В 20 лет Елизавета внезапно осталась на чужбине печальной вдовой и одинокой матерью с тремя малолетними детьми.

К личным страданиям Елизаветы прибавились еще напряженные отношения с членами Тюрингенского двора, запретившими ей пользоваться теми средствами, на которые она имела право. Беспредельная щедрость, помощь бедным и крайняя религиозность давно вызывали подозрения двора. Считая Елизавету психически больной, родственники мужа вынудили ее с тремя детьми покинуть Вартбург. Их изгнали из Вартбурга, а народ провожал ее слезами сострадания; ее лишили наследства, а народ даровал ей свою веру; она угасала под бременем трудов, а народ при жизни прославил ее как святую и увидел в ней новый духовный свет.

О Елизавете проявили заботу родные по линии матери из Андексов – ее тетя Метхильда, аббатиса из бенедиктинского монастыря, и дядя Экберт, епископ из Бамберга, который приютил племянницу в епископском замке Поттенштейн и заботился о ней наилучшим образом, стремясь вновь выдать ее замуж. Но все предложения такого рода она решительно отклонила. Свой будущий путь она видела или в монастыре, или в судьбе человека, просящего милостыню.

Зима 1227–1228 гг. была для нее временем высочайшего внутреннего напряжения. Документы сообщают, между прочим, о видении Христа, которое имела Елизавета во время поста 1228 г. Весной этого года в Бамберге у своего дяди Экберта встретила Елизавета останки мужа, прибывшие из Отранто. В этот момент она молилась и говорила: «Господи, я благодарю Тебя за то, что Ты в своей милосердии утешил меня столь желанными для меня останками моего мужа... если бы я могла вернуть его, я бы не променяла его на целый свет, пусть даже я вместе с ним пошла бы просить милостыню... Пусть все будет по Твоей воле»⁴¹.

Людвиг был погребен в фамильном склепе ландграфов Тюрингенских. Епископ Экберт заранее уговорил рыцарей, которые сопровождали останки Людвиг в Тюрингию, выступить за права Елизаветы. Вопросы о ее состоянии были улажены, ей передали доходы Марбурга, необходимые для жизни и для возможности основания еще одного госпиталя.

С этого момента главную роль в жизни Елизаветы играет ее духовник Конрад, которого высоко ценили Людвиг и Елизавета за то, что он жил строго по Евангелию, отклоняя все почетные места и оставаясь в полной бедности. Конрад был непоколебимо строг не только по отношению к самому себе: он требовал полного подчинения и от Елизаветы.

В страстную пятницу 1228 г., когда с алтарей убирали все украшения в память об униженном Спасителе, в францисканской капелле Эйзенах в присутствии Конрада и его братьев Елизавета, положив руки на алтарь, освобожденный от покровов, поклялась отречься от всего мирского. Если в 1226 г. она обещала отцу-исповеднику Конраду, в случае смерти мужа, послушание и целомудрие, то теперь она вступила на путь полного самоотречения и следования Христу.

Двух старших детей, Германа и Софию, Елизавета отправила в Эйзенах, где они воспитывались под наблюдением деверей-ландграфов – Генриха и Конрада. Младшую, Гертруду, как только девочка смогла обходиться без материнского молока, в возрасте полутора лет отправила на воспитание в богадельню при монастыре возле Ветцлара.

Биограф Елизаветы Дитрих из Апольды сообщает о том, что и в эти годы полного самоотречения святая испытывала много клеветы, ее даже подозревали в недостойной связи с исповедником Конрадом. Когда один из рыцарей обратил на это ее внимание, Елизавета ответила: «Благословен мой Господин и Бог, который и это мне послал. Я пренебрегла знатностью своего рода ради Его любви и стала служанкой; я пренебрегла богатством и честью всего мира и сделалась бедной; я уничтожила красоту моей молодости и стала некрасивой, но я полагала, что

⁴⁰ Die Hl. Elisabeth von Thüringen. Regensburg, 2003. S. 21.

⁴¹ These M. Eine Heilige in Thüringen: Elisabeth. Erfurt, 2000. S. 45–46.

сохранила красоту моей женской чести. Я благодарна Господу, что и это я могу Ему пожертвовать...»⁴².

Обыденное сознание с трудом постигает смысл этих слов, ибо подобная любовь к Господу находит отражение в любви ко всем людям, в стремлении служить всем. Не случайно самой дорогой мыслью Елизаветы была следующая: «Мы должны делать людей счастливыми везде, где только можем». Смиренно приняла Елизавета гневный глас Конрада, а сама по отношению к людям была выражением кроткого милующего лика Христа. Она действовала именно так, потому что в каждом человеке видела искру Божью. Кроме того, Елизавета всегда помнила о грехах ее семей из Андекссов, Венгрии и Тюрингии. Искуплением за эти грехи, как она полагала, должна стать ее жизнь. Она стремилась исправить негативное прошлое семей, к которым принадлежала, своей праведностью и самоотверженностью.

И в те далекие, и в ближние к нам века вокруг имен св. Елизаветы и монаха Конрада возникало множество легенд, произвольных, злых комментариев. Их большая часть посвящена чрезмерной жестокости духовника по отношению к св. Елизавете. Свои раздумья на этот счет Б. Пастернак начинает таким образом: «У будущей святой, канонизированной спустя три года после смерти, духовником был духовный тиран, то есть человек без воображенья...»⁴³. И далее следуют выводы, которые и с фактической точки зрения, и с оценочной расходятся с целым рядом документов.

Прежде всего следует заметить, что легенда о превращении хлеба в розы, на которую ссылается Б. Пастернак, была сложена народом не в XIII, а в XIX в. Но и тогда отношения персонажей легенды по-разному трактовались разными авторами. Легенда и тогда, по разным причинам, становилась объектом спекуляций. Предельную категоричность суждений отдельных авторов следовало бы сопоставить с отношением к монаху Конраду самих Людвига и Елизаветы. Вольное распоряжение с этим фрагментом наследия напоминает безапелляционность выводов об отношениях Великого князя Сергея и Великой княгини Елисаветы. Говоря о жестокости Великого князя, эти авторы забывали, что Великая княгиня называла своего супруга настоящим ангелом и всю жизнь молилась о его душе.

Но нельзя не отметить, что Марбург произвел на Б. Пастернака неизгладимое впечатление. Он был потрясен мощью и местоположением городского ансамбля.

«Я стоял, заломив голову и задыхаясь. Надо мной высился головокружительный откос, на котором тремя ярусами стояли каменные макеты университета, ратуши и восьмисотлетнего замка. С десятого шага я перестал понимать, где нахожусь... Царила полуденная тишина. Она сносила с тишиной простершейся внизу равнины... Верхняя пересылалась с нижней томительными веяниями сирени»⁴⁴.

Пастернак стремился в Марбург, давно зная, что здесь покоится великая подвижница Средневековья. Ее житие передавалось из уст в уста; оно было опубликовано в каждом учебнике; с ним знакомили здесь даже детей самого младшего возраста. Б. Пастернак понимал, что Елизавета Тюрингенская – это великая святая, о которой можно было бы с уверенностью сказать: «и даже не будет похожей». И все же похожая родилась, и тоже в Германии, через несколько веков, но процвела как святая в России, гордясь тем, что Елизавета Тюрингенская была ее родственницей. Комплекс марбургского госпиталя, где теперь протекала жизнь Елизаветы, состоял по крайней мере из 6 зданий: само здание госпиталя, жилой дом Елизаветы, госпитальная капелла, жилое здание для духовника Конрада. Одно или несколько зданий для госпитальных сестер и братьев и здание для хозяйственных нужд. Вся территория госпиталя

⁴² Die Hl. Elisabeth von Thüringen... S. 24.

⁴³ Пастернак Б. Охранная грамота. Шопен // Современник. 1989.

⁴⁴ Там же.

была обнесена стеной. Алтарь капеллы освящен в честь св. Франциска, который был канонизован 16 июля 1228 г.

Галерея Елисаветы в Вартбурге. Шесть медальонов Морица фон Швинда показывают Елизавету в ее милосердных деяниях. Названия медальонов слева направо: «Кормление голод-

ного», «Предоставление приюта бездомному», «Одевание обнаженного», «Уход за больным», «Утешение узника», «Погребение умершего»

Деятельность Елизаветы в качестве госпитальной сестры Марбурга началась с церемонии облачения. На торжественном акте она сняла платье, соответствующее ее статусу графини, и надела вместо него серое платье. Это переодевание имело символическое значение: Елизавета оставила мир и начала жить интенсивной духовной жизнью. Она ухаживала за больными, мыла миски, тарелки и горшки. Кроме того, в деревнях возле Марбурга она регулярно совершала миссию милосердия, раздавая нуждающимся хлеб и другие продукты. Для монастыря Альтенберг возле Ветцлара, где росла ее дочь, Елизавета пряла шерсть. В эти годы Елизаветой много было сделано для укрепления материального благосостояния госпиталя.

Однако всего лишь три с половиной года было отпущено Елизавете для завершения ее земного пути. Тяжелая самоотверженная работа быстро подорвала силы Елизаветы. 16 ноября 1231 г. она почувствовала близость своей кончины. Она долго говорила со своими сподвижниками о тайнах веры, о воскресении Господа, о Марфе и Марии, о воскресении Лазаря. Около полуночи она попросила всех о тишине и скончалась рано утром, 17 ноября 1231 г. 24 лет от роду. Похоронили Елизавету Тюрингенскую в капелле госпиталя. С этого момента началось невероятное почитание той, которую больные и бедные называли второй матерью. В 1235 г. в день Св. Троицы состоялась канонизация св. Елизаветы. Через год после канонизации ее останки были торжественно подняты в присутствии многих епископов, князей и даже императора, который положил к ее останкам драгоценную корону. Св. Елизавета была погребена в Вартбурге, рядом с мужем.

Тайна жизни и деятельности этой великой женщины – в набожности, глубине и проникновенности ее христианской веры. У одних ее образ и путь вызывал досаду, неприятие, а для других становился путеводной звездой.

Житие св. Елизаветы Тюрингенской – это та часть общечеловеческого культурного наследия, которое обретет свое место в будущем. Это житие становится средством связи лучшего, что есть в культуре различных народов, это тот случай, когда христианство, органично вошедшее в душу человека, начинает благотворно действовать на множество других людей через данную личность. В памяти людей она осталась как человек с бескорыстным, младенческим восприятием мира, часто действовавший вопреки сложившимся нормам и правилам, никогда не принимавший во внимание жесткий расчет, как человек обладавший огромной верой в таинственную божественную силу.

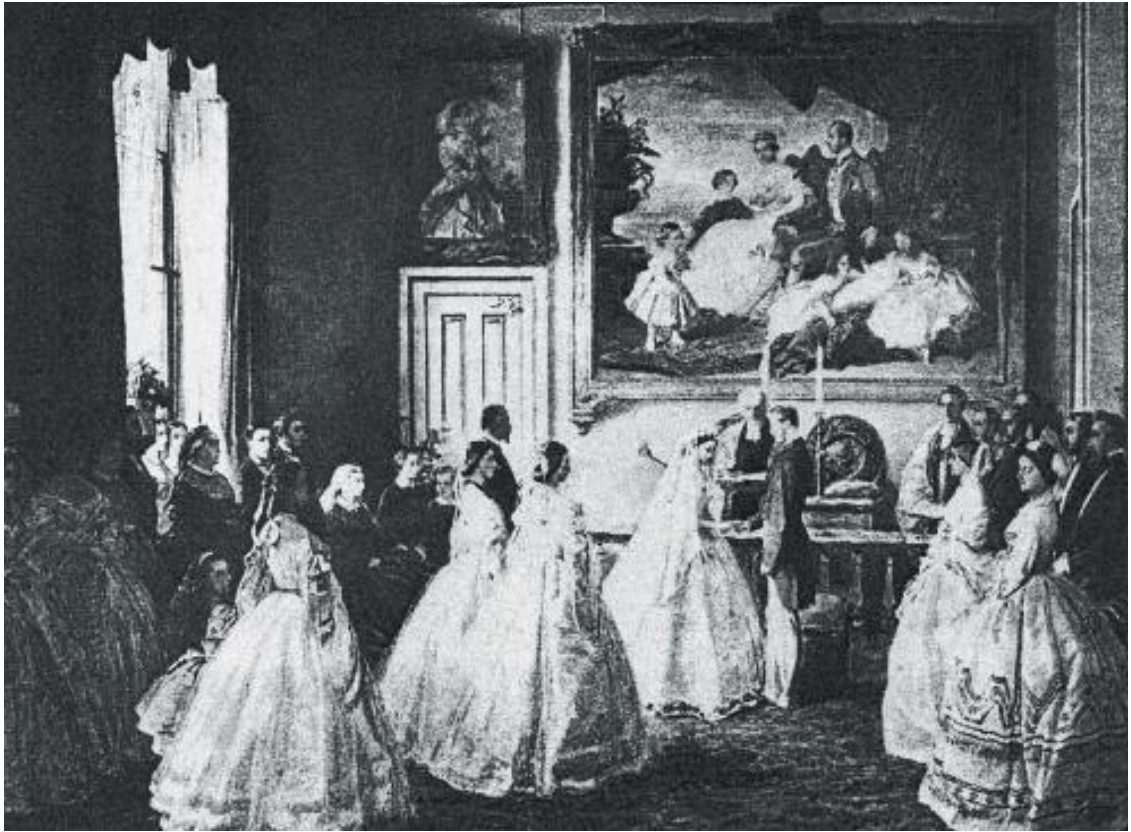
Две великие подвижницы, Великая княгиня Елисавета Феодоровна и св. Елизавета Тюрингенская, разведенные во времени и пространстве, удивительно близки по характеру своего отношения к людям, особенно в периоды народных бедствий. Достаточно вспомнить о множестве созданных Великой княгиней госпиталей в годы Русско-японской и Первой мировой войны, об организации множества мастерских, работавших на нужды фронта; об огромной помощи пострадавшим от голода, наводнений, пожаров.

Но если бытие Елизаветы Тюрингенской протекало в далекие от нас века, то жизнь и подвиг Великой княгини Елисаветы Феодоровны – яркий пример жертвенного служения, подлинного исповедания евангельского идеала в наш трагичный XX в., когда ненависть, ожесточение, безверие переполняли чашу земного бытия. Елисавета Феодоровна в полную меру увидела, как дети, возрастая в жестоких условиях, учились ненавидеть. Ей же хотелось другого – видеть, как дети учатся любить. И она делала все возможное для этого, ибо без любви у человечества нет будущего.

Принцесса Алиса в Осборне. Фотография. Середина XIX в.

Великие уроки, преподанные нам св. Елизаветой Тюрингенской и преподобномученицей Великой княгиней Елисаветой Феодоровной, с одной стороны, должны восприниматься чистым сердцем и безо всяких рассуждений как беззаветное следование пути Христа. С другой стороны, они могут быть осмыслены, обсуждены, изучены как удивительные феномены своего времени для понимания сути событий наших дней, для раскрытия значимости социального служения как верного пути к миру и согласию.

Венчание принцессы Алисы и принца Луи Гессенского. 1862 г.

Как бы ни было велико воспитывающее влияние на юную Эллу образов ее необыкновенных предшественниц, богатых традиций Гессен-Дармштадтского рода, следует специально отметить такую важнейшую составляющую этого процесса, как ее родительский дом.

1.3. В родительском доме принцессы Гессенской и Рейнской

*В доме меня научили всему.
Елисавета*

«Забытая дочь королевы Виктории» – так озаглавил свою книгу историк Жерар Ноэль, в течение ряда лет бывший редактором «Католик Геральд» и посвятивший свою работу Великой герцогине Рейнской и Гессенской Алисе, одной из самых замечательных фигур английской королевской семьи – матери последней Императрицы России царственной мученицы Александры Федоровны и преподобномученицы Великой княгини Елисаветы Феодоровны Романовых.

Поскольку Алиса умерла очень рано, в сознании англичан она стала как бы «отсутствующим звеном», что не позволяло многим восстановить картину развития королевской семьи Британии во всей полноте. Но в ее короткой жизни на самом деле так много значительных явлений, что с подобным утверждением невозможно согласиться. Алиса, подчеркнем это еще раз, была матерью последней русской императрицы и Великой княгини, а также бабушкой лорда Маунтбаттена, которого считают «величайшим англичанином современности». Она была сестрой, спасшей жизнь любимого брата; дочерью, которая стояла между вдовствующей королевой и монархией в опасности; женщиной, которая сохраняла жизнь мужчин и давала надежду женщинам; и, наконец, матерью, оставившей неизгладимый след в памяти своих детей.

Принцесса Алиса, дочь английской королевы Виктории и принца Альберта Саксен-Кобургского (консорта – «принца-супруга»), родилась в 1843 г.

По воспоминаниям людей, знавших юную Алису, она обладала прекрасной внешностью: черты лица были изящны, движения плавные, гибкие, полные достоинства. При всей природной непринужденности, с которой она встречала каждого, Алиса никогда не забывала, что она дочь королевы, принцесса, а позднее великая герцогиня. Она хорошо знала, что вовремя оказанная любезность может отворить уста даже самого робкого человека. Алиса прекрасно понимала, как держаться в стороне от всего неподобающего, а поэтому могла пресечь дерзость одним взглядом.

Ее речь была живой, она легко переходила от одного предмета к другому и всегда говорила о явлениях, достойных того, чтобы о них рассуждали. Даже о мелочах она говорила в особой, полной значимости манере⁴⁵. В 1861 г. в Осборне состоялось венчание принцессы и великого герцога Гессенского Людвига. Обосновавшись в Дармштадте, принцесса Алиса нашла свое подлинное земное призвание, посвятив всю жизнь благотворительности, служению людям и обществу.

Вся жизнь Алисы и ее детей была озарена прекрасным образом рано умершего отца, принца Альберта. Человек высокой нравственности, образованности, деликатности, он при жизни и после смерти был центром семьи.

Он стал одним из основных духовных источников, которые с детства питали душу его внучки Эллы. Именно в глубоком детстве можно открыть важнейшие грани в постижении истоков святой жизни Великой княгини Елисаветы Феодоровны.

16 января 1840 г., открыв заседание парламента, королева Англии Виктория объявила о своем желании сочетаться браком с двоюродным братом Альбертом, принцем Саксен-Кобург-

⁴⁵ Alice Grossherzogin von Hessen und bei Rhein Prinzessin von Grossbritannien und Irland. Mittheilungen aus Ihren Leben und aus Ihren Briefen. Zweite Auflage. Darmstadt, 1883. S. 415–416.

Готским. Она выразила надежду, что это бракосочетание упрочит ее личное счастье, согласуясь в то же время с интересами страны⁴⁶.

Королева и принц Альберт были почти ровесниками. Принц Альберт родился в августе 1819 г. около Кобурга, одной из резиденций своего отца. Семейства Альберта и Виктории давно мечтали о браке между принцем и принцессой, но они благоразумно решили, что Виктория точно не будет знать об их планах, если она сама не выразит симпатии к принцу. После двух встреч с Альбертом королева в письме к своему дяде, королю Бельгии Леопольду, с восторгом сообщает о впечатлении, которое произвел на нее принц: «...красота Альберта поразительна, он мил, естественен... вообще он очаровывает меня»⁴⁷.

Принц Альберт действительно обладал многими достоинствами. В Боннском университете, других учебных заведениях он получил глубокое разностороннее образование. Он изучил философию, историю, политэкономия, классические языки, естественные науки, химию, ботанику, музыку, изучил так основательно, будто готовился стать профессором этих предметов. Кроме того, Альберт изучал историю конституционных учреждений, чтобы компетентно участвовать в принятии политических решений. Он любил сельское хозяйство, интересовался успехами машинного производства. Одним словом, как писал Мак-Карти, «это был в одно и то же время и трубадур, и философ, и деловой человек»⁴⁸.

Принц Альберт, наряду с глубокой включенностью в общественную и культурную жизнь, чувствовал притягательность спокойного, домашнего бытия. Он любил проводить счастливые вечера, занимаясь искусством и поэзией; отдыхать в тиши природы, наслаждаться пением птиц. Многие часы он проводил один, играя на органе. Вместе с тем он любил серьезно рассуждать на политические и научные темы. Он говорил, что неосновательные доводы в спорах раздражают его как фальшивые музыкальные звуки.

С детства принц Альберт отличался чувством долга. Как сообщали современники, юность его была совершенно свободна от «грехов молодости». Став супругом королевы Виктории, а позднее принцем-консортом, он стремился выполнять все, к чему обязывало его новое положение. С редкой самоотверженностью отказывался он от дорогих привычек, если они не соответствовали его положению. Натура Альберта была воплощением нежности и любви. Виктория называла Альберта ангелом, считала себя самым счастливым человеком.

Народ Англии встретил Альберта с огромной радостью. Но не все партии оказали ему подобный прием. Поскольку кабинет министров, сообщая о венчании королевы, не оговорил специально вопрос о вероисповедании Альберта, начали распространяться слухи о его католическом вероисповедании, что, согласно конституции, предполагало бы немедленное смещение Виктории с престола. Члены кабинета не объявляли о типе христианской веры Альберта, потому что, как они полагали, все знали о протестантской ориентации Кобургской фамилии, начиная с Реформации.

Альберт сумел занять нейтральную позицию по отношению к различным политическим партиям. Он понял, что его обязанности должны ограничиваться ролью неофициального советника королевы. Кроме того, он добровольно взял на себя нечто вроде обязанностей министра искусств и просвещения. Он покровительствовал проектам развития образования, совершенствования искусств и промышленной техники. Он постоянно занимался улучшением материальной и нравственной жизни народа. Альберт был покровителем почти всех благотворительных, просветительских учреждений и больниц.

⁴⁶ Мак-Карти. История нашего времени от вступления на престол Королевы Виктории до Берлинского конгресса с 1837 по 1878 г. Кронштадт, 1881. Т. I. С. 79.

⁴⁷ Цит. по: Указ. соч. С. 80.

⁴⁸ Там же.

Несмотря на свои природные способности и желание учиться, принц Альберт никогда не мог вполне понять духа политической системы Англии, что служило причиной некоторой холодности, с которой англичане относились к принцу. Своими манерами он не походил на англичан, что вызывало их недоверие. Альберт не относился к тому кругу людей, которые блистали в салонных разговорах. Да он и не считал нужным развивать в себе способность свободно говорить о пустяках. Лучше всего его оценили беднейшие люди, о которых он постоянно проявлял заботу. Еще в Бонне он издал для бедных томик своих стихов, украсив книгу своими иллюстрациями.

Одной из реформ, которую хотел провести принц-консорт, было запрещение дуэлей в войсках. Он стремился уничтожить этот варварский обычай и учредить суды чести, которые заменили бы кровавую расправу, но завершить эту реформу смогла лишь королева Виктория в более поздний период⁴⁹.

Брак королевы и принца Альберта был образцом морали. Между супругами не было скандалов, недостойного поведения. Моральное, культурное значение принца Альберта англичане в полной мере поняли только после его смерти, последовавшей, когда ему было 42 года. Для королевы это был невероятной силы удар. Виктория носила траур всю последующую жизнь. Каждый день в течение всех этих лет перестилалась постель принца, приносили в его комнату таз чистой воды. Королева в память о любимом муже воздвигла памятники во всех больших и малых городах Англии. В его честь создавались музеи, школы, больницы. В Лондоне были построены Альбертмемориал и Альбертхолл.

Таким образом, мы видим, что в воспитании Елисаветы Феодоровны, проходившем под значительным влиянием бабушки – королевы Виктории (особенно после смерти матери Эллы), одной из постоянных доминант было обращение к образу принца-консорта, к образу идеальной семьи. Достойным подтверждением сказанному является масса упоминаний самой Елисаветы Феодоровны об атмосфере в королевской семье. Формирование особого строя жизни и мышления Елисаветы Феодоровны, обусловленных высоким примером, породили ту изначальную искренность, правдивость, последовательность, которые поражали всех людей, встречавшихся ей в жизни. Все лучшие пожелания близким в семье королевы соотносили с обращением к умершему отцу.

⁴⁹ Там же. С. 85–86.

Великая герцогиня Гессенская и Рейнская Алиса – мать Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Рисунок. Середина XIX в.

Чтобы ощутить это отношение, достаточно обратить внимание на ряд писем Алисы к матери, королеве Виктории. Так, 9 января 1864 г., когда маленькой Элле исполнилось чуть более двух месяцев, Алиса пишет королеве: «У меня перехватило дух, когда я сегодня утром получила телеграмму от Берти (принца Уэльского. – *И.К.*), где сообщается о том, что у него родился сын. О, пусть будет папино благословение на малыше, пусть он будет таким же, как милый папа, и пусть будет утешением для тебя и своих молодых родителей. Твой первый английский внук»⁵⁰.

Королева Виктория глубоко переживала смерть мужа, принца Альберта, но радовалась, что рождение внучки, первой дочери Алисы – Виктории прошло в Винзоре нормально. Виктория очень похожа на Алису, пишет королева, у нее удлинённый нос и прекрасные длинные пальцы, как у Алисы: «Алиса сама покой и тишина»⁵¹.

Алиса, обладая в Гессене свободой в воспитании детей, уделяла им гораздо больше внимания, чем ее мать, следовавшая правилам придворного этикета. Две важнейших заботы

⁵⁰ Alice Grossherzogin von Hessen und bei Rhein... Darmstadt, 1883. S.67.

⁵¹ Noel G. Princess Alice. Queen Victoria's forgotten daughter. Ld, 1974. P. 194.

Алисы состояли в любовном пестовании тела детей и в работе над их сознанием с точки зрения религии и веры.

Жизнь семьи Великого герцога в Дармштадте протекала в небольшом доме на Вильгельминенштрассе. По сравнению с теми домами Англии, где Алиса жила прежде, этот дом вызывал депрессию. Но привлекательным было наличие прекрасного большого сада, который тянулся до Гейдельбергерштрассе.

В этом небольшом доме 1 ноября 1864 г. родилась вторая дочь Алисы – Элла, будущая Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Ожидали сына, но некоторое разочарование родителей из-за рождения второй дочери прошло через мгновение.

Однако ни радость материнства, ни катание на коньках в окрестностях Кранихштайна, ни поездка в Карлсруэ не дают Алисе полного отдохновения. Она постоянно переживает их семейное горе, особенно волнуют ее безмерные страдания королевы-матери, которая сейчас так далеко от Алисы. «Если бы милый папа был рядом с тобой, – пишет она королеве, – как легко было бы у меня на сердце. Со временем, когда мы все выполним долг, – тогда, если Богу будет угодно, мы воссоединимся, чтобы никогда больше не расставаться»⁵².

В то лето, которое следовало за рождением Эллы, принцесса Алиса была в очень хорошей форме. Она писала матери в июне 1865 г.: «...я никогда не чувствовала себя такой здоровой, я никогда не была так крепка и свежа, как сейчас! Когда дядя Эрнст увидел меня, он сказал, что я выгляжу подобно юной девушке»⁵³.

Через два года семья Великого герцога переселилась в новый дворец, и крестины третьей дочери, Ирен, происходили уже там.

⁵² Alice Grossherzogin von Hessen und bei Rhein... S. 99.

⁵³ Там же. S. 106.

Элла. Фотография. 1870 г.

Первый «официальный» портрет пятилетней Эллы

В сознании Алисы и в трудные и в радостные дни вновь и вновь возникал образ умершего отца, мысль об «этой благородной душе, которая вечно пребывает с нами». Его образ становился для Алисы все ближе и ближе.

«Воспоминания о тех многих вещах, которые папа мне говорил, – пишет Алиса матери, – это настоящая опора во всех моих поступках, особенно в последнее время. Разлука кажется такой короткой. Я ясно вижу и слышу, как он говорил. Ах, мои дети его никогда не видели... Через тебя, милая мама, от тебя должны они узнать о нем, чтобы быть достойными своего происхождения»⁵⁴.

Любуясь подрастающими младенцами, Алиса сообщает некие детали внешности и темперамента Эллы в первый год ее жизни: «Элла уже некоторое время говорит "папа" и "мама" и называет себя сама, ползает везде, очень энергичная и веселая, прямая противоположность Виктории, которая так бледна, белокура и теперь худая, а у Эллы глаза темно-голубые и волосы роскошного каштанового цвета, так что про этих двух крошек никогда не скажешь, что они сестры. Они очень милы друг с другом, им нравится быть вместе, они приносят нам много радости. Ни за что не променяла бы их на мальчиков! Это такие милые сестрички, и они могут стать хорошими подругами»⁵⁵.

Предчувствие матери о будущей дружбе старших дочерей сбылось. В течение всей жизни Элла и Виктория высоко ценили глубину и утонченность натур друг друга. Алиса, разумеется, не могла даже предположить, что жизнь дочери пройдет на русской земле, что старшей дочери,

⁵⁴ Там же. S. 158.

⁵⁵ Там же. S. 108.

Виктории, придется в течение двух лет отвоевывать мощи младшей, Елизаветы, у лиц и обстоятельств, преодолевая границы, пренебрегая любыми опасностями по пути в Иерусалим. Впрочем, об этом речь пойдет дальше.

А пока Алиса жила, погружаясь в счастье материнства. Это счастье нарушалось лишь разлуками с мужем в дни франко-прусской войны или в иные периоды его необходимых отъездов по государственным делам.

Едва владея пером, маленькая Элла писала отцу:

«Дармштадт, 29 декабря 1870

Мой любимый папа, я желаю тебе счастливого Нового года. Мама поставила твою фотографию в нашей комнате для школьных занятий.

Мы были в мэрии города, там бедные дети получили Рождественские подарки, а их папы – на войне. Адыю, любимый папа.

Твоя послушная, любящая тебя дочь Элла»⁵⁶.

Позднее Алиса сообщает мужу в письме: «Элла здорова и совсем не хочет расставаться со мной, когда я прихожу к ним в комнату. Она постоянно меня целует и обвивает своими пухлыми ручками мою шею. Каждый раз, когда я ухожу, происходит "сцена". Она такая ласковая... Милая толстушка Элла очень сильная и отнюдь не тихая... Элла пишет тебе сама... Ей уже восемь лет! Она еще прелестнее, чем прежде, и очень милый ребенок»⁵⁷.

С младенчества погрузившись в привораживающую сторону этикета, Элла с детской прямолинейностью возражала против его нарушения, даже если нарушителем оказывалась любимая мама. «Во время завтрака со мной, – признавалась в одном из писем Алиса, – Элла увидела, как я обмакнула печенье в кофе и сказала: "О, мама, так нельзя! Разве так можно делать?" – потому что я не позволяю так делать. Она такая смешная, и с ней не так-то просто управляться – прямая противоположность Виктории, которая очень послушна. У Эллы настоящий талант к шитью, и она шьет, как только у нее появляется свободное время, совершенно одна и без ошибок»⁵⁸.

⁵⁶ Архив Дармштадта земли Гессен. Фонд: Д 24, Nr./2/L.

⁵⁷ Alice Grossherzogin von Hessen und bei Rhein... S. 158, 184, 311.

⁵⁸ Там же. S. 203.

Людовиг IV, Великий герцог Гессен-Дармштадтский – отец Великой княгини Елисаветы Феодоровны. Фотография. Середина XIX в.

Наиболее точную и высокую оценку роли принцессы Алисы в развитии ее дочери Эллы и других детей мы находим в книге графини Александры Олсуфьевой. В предисловии Виктория, сестра Елисаветы Феодоровны, пишет, что автор этой работы, графиня Олсуфьева, в течение многих лет была гофмейстериней Великой княгини. Будучи изгнанной из дома и страны, она решила написать портрет Елисаветы Феодоровны, которой была глубоко предана.

Елисавета Феодоровна, как пишет Александра Андреевна Олсуфьева, «получила от матери раннее образование, которое подготовило ее к высокой судьбе. Эта мудрая и нежная мать вложила в сознание ее детей с ранних лет главный принцип христианства – любовь к ближнему. Она сама, всегда в душе оставаясь англичанкой, глубоко полюбила ее новую страну; наделенная тактом и рассудительностью, она много занималась благотворительностью и в течение ее короткой жизни обеспечивала благосостояние дармштадтского герцогства, как никто до нее. Однако, когда она умерла, ее последним желанием было, чтобы британский флаг был положен на ее гроб.

Великая княгиня Елисавета претворила завет ее матери о милосердии в жизнь – великодушием в поступках и сдержанностью в речи. Она никогда не позволяла себе сурово критиковать кого-либо и всегда находила мягкое оправдание человека, совершившего промах»⁵⁹.

В семье королевы Виктории оказание милосердной помощи не было просто соблюдением правил этикета, следованием моде на благотворительность. С глубокого детства в юных членах семьи воспитывалось понимание основ спасения (покаяние и милостыня). Неудивительно поэтому, что всего через месяц после рождения первой дочери (Виктории) Алиса вместе с королевой отправилась в Военный госпиталь в Нетли, основанный королевой Великобритании.

Две старшие дочери Алисы (Виктория и Елизавета), несмотря на значительные отличия в характере, были очень похожи на мать в главном. Младший брат Великой княгини Елисаветы Феодоровны Эрнст Людвиг подчеркивал, что Элла, полностью посвятив себя нуждающимся и больным, своей работой доказала, что «она была истинной дочерью Великой герцогини Алисы»⁶⁰.

⁵⁹ Olsoufieff A. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia. P. 3–4.

⁶⁰ Noel G. Princess Alice... C. 196.

Семья Великого герцога Дармштадского: Людвиг, Алиса, их дети. Фотография. Середина XIX в.

Биографы принцессы Алисы неоднократно подмечали отличие ее интеллектуального уровня от уровня развития мужа. Но это не отражалось на культуре семейных отношений. В своих воспоминаниях Эрнст Людвиг писал, что отца обожали все дети. Они проводили много времени в его комнате, играя, рисуя, работая, беседуя, в то время как он пытался что-либо писать за столом.

Влияние его на детей было значительным, однако есть основание думать, что это воздействие обуславливалось не проповедями о должном поведении, но масштабом личности, обладавшей исключительно доброй натурой.

Рисунки великой герцогини Гессенской и Рейнской Алисы, изображающие ее детей

Дети ежедневно наблюдали теплое, самоотверженное отношение родителей друг к другу. «Я надеюсь, что мой любимый Луи сегодня вечером будет снова со мной, – пишет Алиса матери, королеве Виктории, – это такой прекрасный повод для радости и благодарности. Когда он рядом со мной, все заботы растворяются в покое и счастье»⁶¹. Отношения супругов становились еще более нежными и добрыми, если кто-нибудь из них заболел. «Я читаю Луи вслух, – пишет матери Алиса в дни тяжелого заболевания мужа, – играю ему на пианино, – моя комната примыкает к спальне. Я забочусь о том, чтобы комната хорошо проветривалась и там не было бы слишком жарко. Ночью я сплю на софе у подножья его постели. Первые две ночи были очень беспокойными, и я всю ночь не отходила от него, но, слава Богу, кажется, течение болезни удовлетворительное»⁶².

Сам по себе стиль повседневной жизни великогерцогской семьи, забота друг о друге, ожидание отца семейства после официальных поездок, совместное чтение и музицирование, волнующие запахи весенней земли, переживаемые вместе, встречи за большим обеденным столом, доброта и уют в быту, – все это благотворно действовало на детей.

⁶¹ Alice Grossherzogin von Hessen und bei Rhein... S. 99.

⁶² Там же. S. 257.

Но если сравнивать место отца и матери в образовании и просвещении семьи, то справедливо отметить значительно более активное, систематизированное педагогическое влияние Алисы на детей. Она попросила своего друга доктора Хинцпетера написать меморандум об обязанностях гувернанток ее дочерей, исходя из некоторых ее собственных идей по этому вопросу.

«Идеально, – говорилось в меморандуме, – чтобы мать имела твердые, ясные представления о том, какими она хочет видеть своих дочерей, и смогла бы найти гувернантку, чьи педагогические дарования и практический опыт были бы достаточны, чтобы применить те средства и методы, с помощью которых могут быть реализованы идеи матери...»⁶³.

Элла. Фотография. 1876 г.

Мы отмечаем принципиальную важность констатации этого факта, поскольку забота о духовном, нравственном, интеллектуальном, эстетическом здоровье детей требует от матери своевременного и системного планирования каждого серьезного шага в мире, полном соблазнов, способных увести на тропинки, с которых не вернуться назад. В этой сосредоточенной серьезности отношения принцессы Алисы к своему материнскому долгу кроется один из основных источников будущего духовного процветания ее детей. Началом всех начал в системе воспитания Великой герцогини было систематическое формирование особого отношения детей к больному человеку.

«Каждое утро по субботам, – вспоминал Эрнст Людвиг, – мы должны были относить букеты цветов в ее (Алисы. – И.К.) госпиталь на Мауэрштрассе и, поставив цветы в вазы, дарить

⁶³ Noel G. Princess Alice... P. 202.

их разным пациентам. Таким образом мы преодолевали робость, часто свойственную детям, когда встречающиеся больные люди и мы становились друзьями со многими пациентами и безусловно обучались иметь симпатию к другим. Здесь не было возрастных ограничений; даже самые юные среди нас должны были идти в больницу»⁶⁴.

В этих воспоминаниях Эрнста Людвиг кроется важный источник дополнительных сведений о доминирующем ритмическом мотиве в системе воспитания детей великогерцогской семьи. Каждый ребенок в пору пробуждения духовных и творческих сил обучался угадывать болевые точки городской жизни.

Отечественные и зарубежные авторы неоднократно обращали внимание на факт воспитания милосердия в детях принцессы Алисы во время постоянного посещения больных. Но от внимания исследователей ускользнул ряд моментов, о которых пишет Эрнст Людвиг. Он справедливо отмечал, что регулярные посещения детьми больницы учили их не только милосердию, но и культуре общения с людьми разных социальных слоев.

Наверное, невозможно и некорректно судить о всей совокупности мотивов этих посещений. Но важно подчеркнуть слова Эрнста Людвиг о качественном изменении отношений с пациентами больницы – «мы становились друзьями», – что говорит о сознательном стремлении матери преодолеть формализм в общении детей с людьми.

Следует отметить еще один принципиальный момент в воспитательной практике Алисы. В письме к матери она отмечала, что детям не пристало кичиться своим положением, что надо ценить человека лишь по его личным достоинствам. «Важно, чтобы принцы и принцессы знали, что они ничуть не лучше и не выше остальных и что своей добротой и скромностью им следует всем подавать пример. Надеюсь, что именно такими вырастут мои дети»⁶⁵.

В великогерцогском доме возле Алисы всегда было множество талантливых людей – музыкантов, артистов, художников, профессоров, педагогов, врачей, физиков, математиков. Одним словом, одаренных людей самых разных специальностей. Здесь собиралось уникальное по духовной и культурной глубине сообщество. В такой культурной среде возрастали дети принцессы Алисы, делая свои первые робкие шаги в искусстве и философском осмыслении мира.

Алису интересовало погружение в глубины научной мысли. К серьезной научной работе она проявляла подлинное уважение. Но многогранная, богатая внутренняя жизнь не могла проходить без соприкосновения с вопросами, на которые дает ответ только религия. Однако убеждения ее в этой сфере в течение времени претерпели серьезные изменения. Одна из подруг герцогини сообщала об этих переменах, которые углубились после 1873 г., т. е. с тех пор как умер маленький сын Алисы Фритти.

Если раньше Алиса часто руководствовалась философскими суждениями, то после смерти ребенка в ее мироощущении произошли большие изменения. Они были обусловлены и влиянием того шотландского художника, у которого она брала по утрам уроки рисования. Алиса была глубоко благодарна ему за благотворное влияние на ее религиозные взгляды и сожалела, что о нем говорят так много плохого, намекая на какие-то «особые» его отношения с Алисой, что, разумеется, было обычной клеветой. «Все это нагромождение философских умозаключений, которыми я раньше была связана, – говорила Алиса, – ни на чем не основано, от них ничего не осталось, и что бы с нами стало в этой жизни, если бы у нас не было веры и убеждения, что есть Бог, Который царствует над миром и над каждым из нас?..

Я чувствую потребность молиться; я с удовольствием пою с моими детьми духовные песни, и у каждого есть своя любимая»⁶⁶.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Цит. по: Маерова В. Елизавета Федоровна. Биография. М., 2001. С. 27.

⁶⁶ Alice Grossherzogin von Hessen und bei Rhein... S. 418.

Нельзя не вспомнить в связи с этим особого отношения в доме не только к церковным песнопениям, но и к музыкальному искусству в целом. «Моя мама, – писал Эрнст Людвиг, – не только играла на пианино, но обладала прекрасной манерой исполнения...

Если это было возможно, я присоединялся к ней. Очень часто она играла вдвоем или в восемь рук... Однажды я сидел в углу музыкальной комнаты на софе, чтобы послушать человека с большой рыжей бородой, который играл моей маме, а она в то же время немного дискуссировала с ним. Он поставил ноты и просил ее аккомпанировать ему. Она сказала, что это невозможно, так как ноты были написаны от руки и только что набросаны. Он настаивал и сказал, что она должна просто импровизировать, если это будет слишком сложно. Потом они играли. Наконец он повернулся, положил руки на колени и спросил: "Вы это я или я это Вы" Она готова была понимать его полностью. Это был Брамс, а я, таким образом, стал первым человеком, который слушал "Венгерские танцы"⁶⁷.

Только прочитав эти и другие фрагменты о музицировании в великогерцогском доме, стало понятным столь серьезное отношение к репертуару домашних музыкальных концертов в подмосковном Ильинском в первые годы замужества Великой княгини Елисаветы Феодоровны.

Здесь, в Ильинском, звучала та же музыка, которая наполняла дом в Дармштадте с младенчества: музыка любимых композиторов Алисы – Баха, Бетховена, Мендельсона и Брамса. Тонкое завораживающее содержание музыки, изысканная форма, обаяние живой, подвижной, искрящейся музыкальной фразы, почерпнутой в детстве, сопровождали бытие Великой княгини в течение всей жизни.

Высокий интеллектуальный и художественный уровень развития самой принцессы Алисы был причиной невольных ее ошибок в руководстве образованием и воспитанием детей. Она постоянно экспериментировала, вынашивая новые идеи относительно методов образования. Стремясь к интенсивному культурному развитию детей, она порой переоценивала возможности восприятия ими сложных явлений культуры. Однажды «она пригласила хорошо известную актрису, миссис Зонтаг, почтить нас, детям, "Короля эльфов" с высокой торжественностью. Когда она закончила, то смотрела на нас, ожидая отклика. К сожалению, отклика не было»⁶⁸.

Эти невольные промахи никак не отразились на воспитании эстетического вкуса, на отношении к «идее подлинного искусства», которая была столь дорога принцессе Алисе, которую Эрнст и особенно Элла восприняли от своей матери. Заслуга принцессы Алисы состояла в том, что если даже не все дети обучались игре на музыкальных инструментах, то все они учились слушать музыку, глубоко и бережно оценивать музыкальные произведения, манеру исполнения.

Мы не можем сегодня в полной мере составить представление о роли в жизни юной Эллы величественного, огромного великогерцогского замка, ибо в годы Второй мировой войны он был разрушен до основания.

Замок был так прекрасен, что еще до войны брат Елисаветы Феодоровны Великий герцог Дармштадта Эрнст Людвиг решил создать здесь музей, стремясь открыть всем двери к такой красоте.

После войны решено было восстановить замок. На это потребовалось 20 лет. 4 июля 1965 г. замок-музей был вновь открыт, и он позволяет в определенной мере ощутить ту обстановку, в которой проходило детство Эллы.

Гордостью замка является картина Ганса Гольбейна младшего, так называемая Дармштадтская мадонна (копия находится в Дрезденской картинной галерее). В музее представлены

⁶⁷ Noel G. Princess Alice... P. 201.

⁶⁸ Там же. P. 202.

портреты ландграфов и их жен; старинная мебель, печь 1580 г., богато украшенная изразцами; витрина серебряных изделий, изготовленных в Страсбурге.

В бывшей кухне ныне каретная. Самая старая – Золотая карета Людвига VIII, изготовленная в Вене в 1750 г.; несколько оригинальных черных карет, исполненных в английском стиле XIX в.

Радует глаз муляж любимой лошади Эллы (пони), над которым висит картина в застекленной раме, где изображена эта лошадь.

В витринах много портретов, стеклянных кубков и бокалов XVIII в.; коллекция орденов.

Один из больших залов замка посвящен Каролине, Дармштадтской ландграфине, которая была гордостью Дома. Отличаясь чрезвычайной интеллигентностью и умом, она создала литературный кружок, в который вошли знаменитые немецкие поэты, в том числе Гете.

На втором этаже замка демонстрируются платья в стиле ампира начала XIX в. и образцы другой одежды. Духом стиля ампира пронизан ряд залов, которые украшены мебелью из орехового дерева разных оттенков.

Красный зал привлекает особое внимание, так как напоминает о двух дармштадтских принцессах, которые вышли замуж за русских царей: огромные, тонко выполненные картины художника Винтерхальтера изображают Императрицу Марию Александровну Романову и Императора Александра II; здесь же фотография последней русской Императрицы Александры Феодоровны.

В этом так называемом русском зале очаровательные яркие детские рисунки Эллы из ее альбома, представленные в застекленной витрине, а также необыкновенный портрет Елисаветы. В замке всегда звучала музыка. Поэтому в одном из залов можно видеть столик для нот и рояли разных исторических эпох.

Знакомство с замком завершается посещением зала, посвященного последнему Великому герцогу Дармштадтскому Эрнсту Людвигу, создателю замка-музея и Дармштадтской колонии художников.

Любимый брат Елисаветы Феодоровны Эрнст Людвиг умер в 1937 г., непосредственно перед тем, как вся его семья погибла в авиационной катастрофе по пути на свадьбу последнего Гессенского принца Людвига с Маргарет Геддес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.